

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10402

Учительство и проповедь в первой напечатанной повести Н. В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», 1830)

И. А. Виноградов

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького,
Российская академия наук
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: info@imli.ru

Аннотация. Анализируется одно из «ключевых» произведений гоголевского наследия — первое произведение в прозе, появившееся в печати, — повесть «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» (1830). Литературный дебют Гоголя в прозе является ключевым в том смысле, что открывает дверь к пониманию последующего творчества писателя. На основании многочисленных фактов устанавливается, что с первых шагов в литературе Гоголь выступает в роли сознательного духовного наставника и проповедника. Его первое прозаическое произведение (начинал Гоголь как автор стихотворения «Италия» и стихотворной поэмы «Ганц Кюхельгартен») представляет собой своего рода литературный экфрасис, содержанием которого выступает духовная дисциплина. Повесть является «богословием в образах», а духовное лицо, представитель народной среды, сельский дьячок (церковный чтец, псаломщик), от имени которого ведется повествование, становится жизненным alter ego автора. Впервые предпринято аналитическое сличение двух редакций «Вечера накануне Ивана Купала» — первоначальной журнальной и последующей, включенной в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» (в первой редакции повесть носила название «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала»; во второй — Гоголь отбросил начало заглавия, оставив только вторую часть — «Вечер накануне Ивана Купала»). Из сравнения явствует, что первая редакция отличается от позднейшей большей откровенностью в выражении религиозных взглядов создателя произведения. Во второй редакции Гоголь смягчил излишнюю назидательность и категоричность первоначального варианта. Подчеркивается, что уже в этой повести Гоголь, отделяя себя от суеверий и «детских предрассудков», присущих простонародному сознанию, сосредоточивает свой талант на обличении тех явлений, которые сохранились в общественном, народном быту от поры язычества. Будучи верным этнографом, глубоким знатоком народной психологии и фольклора, писатель уже в первой повести предстает, вопреки распространенным истолкованиям его творчества в радикальной критике, не только оригинальным бытописателем, но и проницательным

мыслителем и богословом, подобным своему предшественнику, святителю Тихону Задонскому. По первой «малороссийской» повести можно угадать многие черты будущего создателя «Мертвых душ», «Выбранных мест из переписки с друзьями», «Размышлений о Божественной Литургии».

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, биография, творчество, авторский замысел, интерпретации, романтизм, фольклоризм, этнографизм, реализм, историзм, стиль, псевдоним, образ рассказчика, литературная маска, alter ego, учительство, проповедь, «народное православие», духовное наследие

Для цитирования: Виноградов И. А. Учительство и проповедь в первой напечатанной повести Н. В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», 1830) // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 54–109. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10402

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10402

**Teaching and Preaching
in the First Printed Short Novel ('Povest')
by Nikolai Gogol
("Bisavryuk, or The Evening
on the Eve of Ivan Kupala", 1830)**

Igor' A. Vinogradov

*A. M. Gorky Institute of World Literature,
The Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: info@imli.ru

Abstract. One of the “key” works of Gogol’s heritage is analyzed — the first prose work that appeared in print, the short novel (“povest”) “Bisavryuk, or The Evening on the Eve of Ivan Kupala” (1830). Gogol’s literary debut in prose is a key work in the sense that it opens the door to understanding the writer’s subsequent work. Based on numerous facts, it is established that since his very first steps in literature, Gogol played the role of a conscious spiritual mentor and preacher. His first prose work (Gogol began as the author of the poems “Italy” and “Gantz Kuchelgarten”) is a sort of literary ekphrasis, which is centered around the theme of spiritual discipline. The short novel (“povest”) is “theology in images,” and the clergyman, a representative of the common man’s milieu, a rural deacon (church reader, psalm reader), on whose behalf the story is narrated, becomes the author’s alter ego. For the first time, an analytical

comparison of two editions of “Evening on the Eve of Ivan Kupala” was undertaken: the original journal version on one side and the subsequent one included in the “Evenings on a Farm near Dikanka” collection (the first edition of the short novel (‘povest’) was called “Bisavryuk, or Evening on the Eve of Ivan Kupala”; in the second, Gogol dropped the beginning of the title, leaving only the second part, “Evening on the Eve of Ivan Kupala”). The comparison shows that the first edition is more frank in expressing the religious views of the author than the second one. In the second edition, Gogol tempered the excessive edification and categorical nature of the original version. It is emphasized that as early as in this short novel (‘povest’), Gogol separates himself from superstitions and “childish prejudices” inherent in popular consciousness and focuses his talent on exposing those phenomena that have survived in the public, folk life from the pagan era. As a faithful ethnographer, a deep connoisseur of folk psychology and folklore, in the first short novel (‘povest’), contrary to the widespread interpretations of his work in radical criticism, the writer already appears not only as an original writer of everyday life, but also an astute thinker and theologian, like his predecessor, St. Tikhon of Zadonsk. From the first “Little Russian” short novel (‘povest’) one can guess many features of the future creator of “Dead Souls”, “Selected Passages from Correspondence with Friends”, and “Reflections on the Divine Liturgy”.

Keywords: Nikolai Gogol, biography, creativity, author’s intention, interpretations, romanticism, folklorism, ethnography, realism, historicism, style, pseudonym, narrator’s image, literary mask, alter ego, teaching, preaching, folk orthodoxy, spiritual heritage

For citation: Vinogradov I. A. Teaching and Preaching in the First Printed Short Novel (‘Povest’) by Nikolai Gogol (“Bisavryuk, or The Evening on the Eve of Ivan Kupala”, 1830). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 54–109. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10402 (In Russ.)

Первый литературный дебют Гоголя был, как известно, в стихах — и был неудачен. Стихотворение «Италия», анонимно напечатанное в 1829 г., прошло незамеченным; подражательная поэма «Ганц Кюхельgarten», обозначенная псевдонимом «В. Алов», получила в печати отрицательные рецензии. Второй дебют был в прозе — и оказался чрезвычайно успешным. Успех был обусловлен, в числе прочего, резкой переменой Гоголем направления его литературной деятельности. В 1831 г., приветствуя выход в свет сказок В. А. Жуковского (влияние которого с очевидностью сказалось в «Ганце Кюхельgartене» [Шаровольский: 49–50], [Янушкевич: 298]), он восклицал:

«Жуковского узнать нельзя. Кажется появился новый обширный поэт и уже чисто русской. Ничего германского и прежнего»¹.

Подобный путь проделал и сам Гоголь — от «Ганца Кюхельгартена» к своей первой литературной повести-«сказке»², появившейся в печати. Назрела необходимость понять, с чего, с каким «багажом» Гоголь начинает свой путь в литературе. Этот вопрос является одним из важнейших для анализа как ранней его поэтики, так и поэтики позднейших произведений.

Повесть «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» была напечатана в 1830 г. в журнале литератора-«славянофила» П. П. Свиньина «Отечественные Записки» [Гоголь, 1830а, 1830b]. Гоголь и на этот раз скрыл свое авторство, однако имя, под которым он получил, наконец, в литературе полноценные права «гражданства», оказалось весьма значимым — определяющим для его последующей судьбы. Псевдоним, или, точнее, литературный персонаж, в образе которого Гоголь завоевал впервые читательское признание, «открывал» своей фигурой то главное направление, которому неизменно следовал позднее художник в своем творчестве. «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» появился в журнале с подзаголовком: «Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви» [Гоголь, 1830а: 238]. Дьячок (по-украински «дяк», дяк) — причетник, церковный чтец, псаломщик. Духовное лицо, рассказывающее повесть, стало своеобразным пожизненным alter ego автора. Всю жизнь потом Гоголь, подобно сельскому дьячку — «автору» своего первого рассказа, выступал против светских недорослей-«умников», «пописывающих по судам и читающих даже гражданскую грамоту, которые, если дать им в руки простой Часослов, не разобрали бы ни аза в нем» (1/2: 114).

¹ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 10. С. 171. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.

² Подробнее о связи повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» с жанром народной сказки см.: [Виноградов, 1998: 5–6; 2010: 682–685; 2016: 62–63].

Вскоре после выхода в свет «Бисаврюка, или Вечера накануне Ивана Купала» у повестей Гоголя появились новые рассказчики. Он написал тогда еще несколько произведений, составивших вместе сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки». В этот сборник была включена и первая, «купальская», повесть. Однако, хотя в цикле рассказчики умножились — и на первое место выдвинулся главный из них — Пасичник, неизменным и значимым по-прежнему оставалось то, что повествователь «Вечера накануне Ивана Купала» является «дьячком ***ской церкви», «дьяком Диканьской церкви» (так обозначен рассказчик этой повести в сборнике [Гоголь, 1831: 83, IX]). Иными словами, как и прежде, в литературных «сказках» Гоголя сохранялось учительное, «церковное» направление, заданное в той, что была написана ранее других. Сам Пасичник отдает явное предпочтение дьяку Фоме Григорьевичу перед другими рассказчиками, — к примеру, перед полу-«басурманским» паничем-«латыньщиком» (1/2: 84).

Должность «дьяка», или «дьяка», низшая среди церковных должностей, была на Украине выборной, эту должность мог занять по назначению прихода человек любого происхождения. Гоголь «доверил» свой рассказ типичному представителю народа и одновременно — представителю церковной среды. Литературная «игра» преследовала при этом цели отнюдь не только художественные или юмористические. Она скрывала в себе вполне серьезные проповеднические намерения автора. За «точным», «этнографическим» указанием на рассказчика «народного предания» стояла отчетливая «пастырская» установка самого писателя. Задумывая повесть как художественное внушение, Гоголь не столько «прикрывался» дьячковским «псевдонимом», сколько, напротив, говорил как бы прямо от имени духовного лица, *открывая* тем самым читателю свою приверженность вере и Церкви. Уже по этой начальной «подсказке» в «Вечере накануне Ивана Купала», «воспроизводящем» голос сельского, уважаемого в народе дьячка, можно угадать будущего создателя «Мертвых душ», «Выбранных мест из переписки с друзьями», «Размышлений о Божественной Литургии».

Учительная, духовно-проповедническая установка создателя «Вечера накануне Ивана Купала» сказывается не только в образе рассказчика. Эту настроенность автора в полной мере передает само содержание повести, ее отчетливые религиозные мотивы. До сих пор без внимания читателей и исследователей оставалось то обстоятельство, что духовные намерения Гоголя сообщает уже само сугубое, «усиленное» именование произведения. Первая часть двойного заглавия — «Бисаврюк...» — в комментариях не нуждается: она говорит сама за себя; имя Бисаврюк готовит читателя к столкновению с демоническим миром. Вторая часть — «...Вечер накануне Ивана Купала» — требует некоторого пояснения. Этнографические сведения помогают понять, что день, к которому приурочено действие рассказа, тоже соответствует проповедническому замыслу повести. События повести разворачиваются накануне 24 июня (ст. ст.), т. е. накануне дня летнего солнцеворота, который в древнем языческом календаре был одним из главных праздников года, будучи посвящен «божеству славянскому» Купала [Чулков: 228]. С Крещением Руси «купальский» день совпал с церковным праздником Рождества Иоанна Предтечи, вследствие чего праздник получил в народе название Ивана Купала. Именно то, что Гоголь называет свою повесть «по-народному», обнаруживает его проповеднический настрой. Согласно поверьям, ночь накануне Ивана Купала является временем «наибольшего разгула нечистой силы» [Виноградова, Толстая: 363]. Народные календарные обряды и обычаи, в которых, несмотря на тысячелетнюю историю христианства на Руси, традиционно допускалась «контаминация» христианского и языческого, стали главным предметом религиозного осмысления и обличения Гоголя. В купальском пагубном «крещении», которое проходит герой «Вечера накануне Ивана Купала», изображается процесс возвратного, «регрессивного» характера — противоположный Крещению Руси. В повести представлено угрожающее вытеснение из жизни героя церковного праздника воззрениями и обычаями дохристианского времени, подмена веры (и соответствующих ей сознания, норм и правил поведения) — суеверием, идолопоклонством. О том, что

Гоголь размышлял в повести именно об этом, свидетельствует, в частности, упоминание простодушного рассказчика о древнем идоле в другой повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — в «Ночи перед Рождеством». Здесь тоже происходит «пересечение» христианского праздника с древними суеверными обрядами. Пасичник по этому поводу замечает:

«Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за Бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать» (1/2: 167).

В календарном цикле день Ивана Купала «симметричен» «Коляде»-Рождеству: их объединяют «общие мотивы и обрядовые действия» [Виноградова, Толстая: 363]. «Покоренные христианству» «остатки обрядов древней славянской мифологии», «языческие поверья, детские предрассудки» — о которых Гоголь упоминал спустя некоторое время в статьях «О малороссийских песнях» (7: 173) и «Взгляд на составление Малороссии» (7: 162), — производят в «Бисаврюке...» обратное действие: происходит греховное отступление человека от христианских заповедей, апостасия — то явление, обличению которого Гоголь посвятил почти все свои последующие произведения.

Уже в первом цикле «Вечер накануне Ивана Купала», если рассматривать его в свете авторских намерений, не стоит одиноко. Характер пастырского обличения вполне свойственен не только «Бисаврюке...», но и всем другим «сказкам» «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — даже тем, которые рассказывает уже не «дьяк» Фома Григорьевич. К примеру, в той же «Ночи перед Рождеством» изображается недолжное поведение героев в день самого строгого поста — Рождественского сочельника [Виноградов, 2018b: 16–23]. О несоблюдении героями постов и церковных установлений идет речь и в других повестях сборника.

«...Обычай обыкновенно сильнее самих законов», — отмечал позднее Гоголь в статье «О движении народов в конце V века» (7: 330). «...Обычай сильнее всякого письменного закона...», — повторял он позднее в статье «Занимающему важное место» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (6: 151). В этом свете чрезвычайно важным, хотя и отдаленным,

автокомментарием к ранней повести могут служить слова Гоголя в еще одной статье «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «Светлое Воскресенье»:

«Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила, — и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человечеством! И к чему при таком ходе вещей сохранять еще наружные святые обычаи Церкви, Небесный Хозяин которой не имеет над ними власти? Или это еще новая насмешка духа тьмы? Зачем этот утративший значение праздник?» (6: 202).

В этих строках в общей форме описывается, по сути, весь «сюжет» «Вечера накануне Ивана Купала». (Несмотря на разницу во времени, разделяющую старинные суеверия от новейших заблуждений, пороки и полуязыческие обычаи современной, «цивилизованной» жизни (о которых идет речь в «Выбранных местах из переписки с друзьями») являются, по убеждению Гоголя, лишь продолжением, новейшим подобием давних греховных предрассудков³.) Грехопадение главного героя «Вечера накануне Ивана Купала» совершается при появлении его в шинке накануне наиболее почитаемого — хотя и не двенадцатого, но тем не менее весьма важного — христианского праздника, Рождества Иоанна Предтечи. Иначе говоря, в повести в прямом смысле слова изображается то, о чем сетовал Гоголь позднее: «насмешка духа тьмы» над «святыми обычаями Церкви» (6: 202). Следует при этом иметь в виду, что во времена Гоголя существовало даже несколько правительственных указов, воспрещавших поведение, подобное тому, какое демонстрирует герой «Бисаврюка...». Это указы 1743, 1820 и 1823 гг. о недопущении «открывать кабаки <...> во время обедни, в праздники и до обедни» (9: 623)

³ Согласно Гоголю, новые «незаконные законы» во всем сходны с прежними, несут с собой такие же противоположные вере светские, новомодные «суеверия». Эта тема, в свою очередь, была поднята Гоголем весьма рано — уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в повести «Иван Федорович Шпонька...» [Виноградов, 1998: 40–43]. В современной губительной «обрядливости» «законов света» («Обрядливый, церемонный», — пояснял Гоголь в своем «Объяснительном словаре» русского языка — 9: 468) власть старинных суеверных преданий и обрядов получает свое «естественное» развитие.

[Виноградов, 2021а: 53–54]. Впоследствии Гоголь, имея в виду эти указы — которые многократно подтверждались, — и, как можно предположить, прямо подразумевая героя своей самой первой повести, — в статье «Светлое Воскресенье» также указывал, что нередко на Пасху «даже и сам народ, о котором идет слава, будто он больше всех радуется, уже пьяный по-падает на улицах, едва только успела кончиться торжественная обедня» (6: 197). Таким образом, в «Вечере накануне Ивана Купала» Петро Безродный встречается с «дьяволом» Басаврюком накануне Рождества Иоанна Крестителя и совершает свое преступление, во-первых, в пост (а именно — во время Петровского поста, на который всегда приходится день Ивана Купала), во-вторых — в тот день и час, когда, по недвусмысленному указанию дьячка-рассказчика, всякий «добрый человек» идет в церковь «к заутрене» (1/2: 118).

Содержанием повести Гоголь словно повторял увещевания своего предшественника, святителя Тихона Задонского (1724–1783), который тоже обличал искажение христианских праздников в народном быту. «Важное препятствие успешному действию пастырских наставлений на нравственность народа <святитель> Тихон видел в нехристианском препровождении торжественных дней и праздников, установленных Церковью. Общественные гулянья, общее невоздержание и нескромные игры, допускаемые в такие дни, по силе соблазна он сравнивал с общим пожаром, “на котором души человеческие беззаконием, аки пламенем, поядаются”» [Тихон Задонский: 13].

Мать Гоголя, женщина набожная и благочестивая, посылая в 1831 г. одной из родственниц первую книжку «Вечеров на хуторе близ Диканьки», писала: «Николай мой все стремится быть полезным для родного края и я несколько понимаю его цель; в сей книге он коснулся ее; но в продолжении более будет...» [Виноградов. Летопись; т. 2: 135].

Духовное, проповедническое начало ранних повестей Гоголя, к сожалению, осталось практически не замеченным современниками. Сам писатель не раз с огорчением указывал

на читательскую неостребованность нравственного смысла его произведений, — желая, по-видимому, привлечь внимание к этой проблеме. В «Учебной книге словесности для русского юношества» (1846) он, в частности, подчеркивал, что «сказка может быть созданием высоким, когда служит аллегорическою одеждою, облекающею высокую духовную истину, когда обнаруживает ощутительно и видимо даже простолюдину дело, доступное только мудрецу», — и что «просто пересказ почти слово в слово народной сказки, — создание *менее всего* значительное» (б: 333–334; курсив наш. — И. В.). В 1848 г., работая над вторым томом «Мертвых душ», Гоголь писал графине Анне М. Виельгорской:

«Хотелось бы также заговорить о том, о чем еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чем неясные звуки и намеки были уже рассеяны в самых первоначальных моих сочинениях. Их не всякий заметил...» (15: 132).

В том же году в <Письме по поводу «Мертвых душ»> он повторил:

«О, если бы то, о чем любила задумываться [душа моя]⁴ еще со дня младенчества, передать звуку и живому, определенному образу, доступным всякому, и в них была одна чистая истина!» (б: 255).

Упоминание в этих высказываниях Гоголя о «днях младенчества», значимых для создания первых произведений, — тоже не только поэтическая метафора. Имеются свидетельства, что органичное сочетание в гоголевской одаренности христианского и народного (фольклорного) обуславливается в значительной степени его детскими и юношескими годами. На первом месте здесь следует назвать глубокое и органичное религиозно-патриотическое воспитание Гоголя, которое будущий писатель получил сначала в семье, а затем — в школе [Виноградов, 2015]. Подобно тому, как в далеком 1828 г., отправляясь в Петербург, Гоголь уже заключал в себе самом, в своей незаурядной личности, черты будущего Тараса Бульбы [Виноградов, 2019а: 130], так же он «вез» тогда в столицу, еще сам того не подозревая, в качестве богатого образовательного,

⁴ Здесь и далее в квадратных скобках приводятся слова, которые Гоголь в рукописи зачеркнул.

духовно-нравственного багажа, оригинального, «замысловатого» дьячка-рассказчика — религиозного автора, воспитанного «на непотрясаемом камне нашей Церкви» (6: 160).

Талант, взращенный родным бытом и воспитанием, давал о себе знать не только в первых «малороссийских» повестях писателя. Он с очевидностью являл себя уже в самые первые, «дописательские», сознательные годы Гоголя. Свидетельство об этом содержится, в частности, в молитвенном обращении самого Гоголя к наступающему новому году — «1834» («Великая, торжественная минута»). В этом воззвании он обращался с молитвой о помощи в литературных трудах к своему «Хранителю Ангелу» — «Гению» — и делал важное автобиографическое признание о рано проснувшемся художническом чувстве, или инстинкте:

«...жизнь души моей, [Хранитель Ангел] мой — Гений. <...> О! Я не знаю, как назвать тебя, мой Гений! Ты, от *колыбели* еще пролетающий с своими гармоническими *песнями* мимо моих ушей...» (7: 155; курсив наш. — И. В.).

Гоголевские слова могут быть поставлены в прямую связь с несколькими свидетельствами матери писателя. Возможно, к 1814 г., когда Гоголю исполнилось только пять лет, относится следующее свидетельство М. И. Гоголь-Яновской о сыне (в записи С. П. Шевырева):

«Малорос<ийская> песня, которую пел маленький Н<иколай> В<асильевич>, выговаривая ясно каждое слово, и за дверью, чтобы никто не видел: “Баба кисель варила, / На морозе цидила...” [Виноградов. Летопись; т. 1: 238].

Позднее первый биограф Гоголя П. А. Кулиш указывал, что «одною из первых» песен, «которым Гоголь научился в детстве», была украинская, а именно — народная песня «У поли крыныченька, / Холодна водыченька, — / Там чумак воды напое...» [Виноградов. Летопись; т. 6: 442]. Другой биограф Гоголя, В. А. Чаговец, писал в 1901 г. о тех местах, где прошло детство писателя:

«Можно себе представить, сколько поэзии заключалось в этом небольшом уголке, когда летнею ночью в кустах заливались соловьи, которых особенно любил отец Гоголя, когда издали доносился ласкающий шум воды, падающей с колес мельницы, а с другой стороны,

из глубины пруда слышалась звонкая народная песня: это девушки катаются на плоту, и песня их, повторяемая чутким эхо, разносится далеко, далеко... И над всем этим божественная ночь раскинула свой волшебный покров, усеянный яркими звездочками. Вот какая природа окружала детство поэта, вот где источник его высокой поэзии, с чудно-поэтическими описаниями украинской ночи, заснувших прудов и старого, заглохшего сада... А когда еще ребенком он ложился в свою маленькую кроватку, его колыхала старушка-бабушка Татьяна Семеновна, которая жила при родных поэта до самой своей смерти. Старая козачка, доживая свой долгий век, напевала ему тихие песни про старое, славное, вольное козачество, и, убаяванный тихим пением, он засыпал... А над его детской головкой носились образы песни, с которыми он не мог расстаться, а хранил их в своей болезненно-чуткой душе...» [Чаговец: 35].

По еще одному свидетельству М. И. Гоголь-Яновской, ее сын в том же пятилетнем возрасте начал уже складывать стихи. Первым читателем этих детских стихов стал посетивший тогда Васильевку сосед Гоголей по имени, известный поэт и драматург В. В. Капнист. По словам М. И. Гоголь-Яновской, записанным в 1852 г. Г. П. Данилевским, Капнист, прочитав «младенческие» произведения Гоголя, сказал: «Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина!». Шевырев, беседовавший с М. И. Гоголь-Яновской месяц спустя после Данилевского, записал ее слова в такой редакции: «Хорошо бы было, если бы он был отдан на воспитание на руки Христианину» [Виноградов. Летопись; т. 1: 245].

В самом начале работы над «Мертвыми душами» Гоголь назвал свои ранние произведения «отрывками тех явлений», «из которых долженствовала» создаться в его поэме «полная картина» (11: 86; письмо к М. П. Погодину от 28 ноября (н. ст.) 1835 г.). О своих прежних созданиях он сообщал также А. О. Смирновой:

«На сочинениях <...> моих не основывайтесь и не выводите отсюда никаких заключений о мне самом. Они писаны давно... <...> В них точно есть кое-где хвостики душевного состояния моего тогдашнего, но без моего собственного признания их никто и не заметит и не увидит» (12: 559; письмо от 24 декабря (н. ст.) 1844 г.).

Говоря обо «всем», что было им до той поры написано, он общал министру С. С. Уварову:

«Грустно, <...> что <...> хоть в основание его легла и добрая мысль, но выражено всё так незрело, дурно, ничтожно <...> не так, как бы следовало...» (13: 104; письмо от конца апреля 1845 г.).

Неким завещанием Гоголя, своего рода «методологическим» посылом для изучения его ранних произведений, должны служить также строки его письма к матери от 15 июня (н. ст.) 1844 г.:

«Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора» (12: 415).

Авторская настойчивость Гоголя, неоднократно призывавшего своих читателей обращать внимание на христианское содержание его произведений, была связана не только с их будто бы «несовершенством» (отчего смысл гоголевских образов оставался якобы «непроницаем» для современников). Мнение о «незрелости» и о недостатках ранних созданий было явным преувеличением автора. (В наибольшей степени такое преувеличение сказалось в строках письма Гоголя к Н. Я. Прокופовичу от 25 января (н. ст.) 1837 г.: «...если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры “Ревизора”, а с ними “Арабески”, “Вечера” и всю прочую чепуху, <...> я бы благодарил судьбу» — 11: 93.) Вину в «недопонимании» духовного смысла гоголевских произведений нес не только автор, но в не меньшей, — а пожалуй, и в большей мере — невнимательный читатель. Уже в XIX в. религиозные вопросы все меньше занимали общество. Пожалуй, лишь В. Н. Мочульский в 1902 г. заметил, что гоголевские «сказки» связаны с житийной литературой, с распространенными в народе «сказаниями о Киевских святых, где говорится о кознях дьявольских, о борьбе с ними»: «Вот почему Гоголь и захватил так глубоко народную жизнь, что сумел проникнуть в самые недра народного духа. Вместе с этими преданиями и народными верованиями Гоголь уже на первых порах своей художественно-творческой деятельности <...> становился на путь

народной психики и <...> в сравнительно короткий период времени, достиг высшего искусства в психологическом анализе человеческой души, каким ознаменована его дальнейшая творческо-художественная деятельность» [Мочульский: 13].

При непредвзятом чтении голос Гоголя как «христианина и человека» вполне слышен и «узнаваем» в его созданиях, даже в самых ранних. Более того, «самое раннее» в некотором отношении открывает христианские взгляды писателя даже гораздо определеннее и ощутительнее. Особенно наглядно это проступает при сличении двух редакций «Вечера накануне Ивана Купала».

Публикуя гоголевскую повесть, редактор «Отечественных Записок» П. П. Свиньин, по-видимому, подверг сочинение начинающего автора своим редакционным исправлениям. Об этом до определенной степени позволяет судить история повторного издания повести в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». При переиздании произведения Гоголь существенно переработал текст. Вероятно, прямо в ответ на стилистическую правку Свиньи́на он написал к повести шуточное предисловие, в котором устами Пасичника замечал:

«...один из <...> господ <...> выманил у Фомы Григорьевича эту самую историю... <...> ...приезжает из Полтавы <...> панич <...> — привозит <...> книжечку... <...> Я <...> принялся читать. <...> “Постойте! <...> что это вы читаете? <...> Кто вам сказал, что это мои слова? <...> Так ли я говорил?» [Гоголь, 1831: 79–81].

Кроме того, в предисловии сообщалось, что дьяк-рассказчик Фома Григорьевич «не любил пересказывать одно и то же»: «Бывало <...> переиначит так, что узнать нельзя» [Гоголь, 1831: 79]. Соответственно новому зачину повести, произведение фактически было переписано Гоголем заново. Аналитическое сличение двух редакций — первоначальной и «переиначенной» — показывает, что бо́льшая часть исправлений 1831 г. к предшествующему (1830 г.) вмешательству Свиньи́на никакого отношения не имеет. Еще более удивительно то, что именно в первоначальной редакции (не в последующей, исправленной, как это можно было бы думать) в гораздо большей степени узнается голос Гоголя как будущего проповедника и сатирика. В первой редакции взгляды начинающего писателя выражены гораздо более откровенно.

В 1889 г. Н. С. Тихонравов, основываясь на указанных словах Пасичника в предисловии, предположил, что «издатель “Отечественных Записок” Свињин во многих местах повести исправил по своему слог и придал ему тяжелые обороты напыщенного литературного изложения» [Тихонравов: 516]. В доказательство этого тезиса исследователь приводил суждение по поводу гоголевского предисловия литератора О. М. Сомова, выступившего в ноябре 1831 г. в защиту Гоголя от нападков Н. А. Полевого (последний в рецензии, напечатанной в октябре того же года, заявлял, что «Вечера...» написаны не украинцем, а «Москалем, да еще и горожанином» [Полевой: 94]⁵). Возражая Полевому, Сомов писал: «...Пасичкин (так в источнике. — И. В.), я слышал, человек весьма готовый высказать самые резкие истины, да еще и языком Малороссийского прямодушия. Он, пожалуй, в состоянии повторить Г. Полевому то, что уже сказал одному из собратий Журналистов в предисловии своем ко 2-й повести *Вечеров на хуторе* (см. стран. 81, строк. 1, до конца 4-й строки)» [Сомов, 1831: 739]. Подразумевались следующие строки гоголевского предисловия:

«Плюйте ж на голову тому, кто это напечатал! *бреше сучый москаль*. Так ли я говорил? Що-товже, як у кого чорт ма клепки в голови!» [Гоголь, 1831: 81].

В 1940 г. Г. С. Виноградов и Н. Л. Степанов, комментаторы академического собрания сочинений Гоголя, основываясь на тех же аргументах, что и Н. С. Тихонравов, полагали, будто, «переделывая повесть для переиздания ее в “Вечерах”, Гоголь, по-видимому, частично восстановил те “просторечие” и живую разговорную речь, которые Свињин, согласно своим стилистическим принципам, всемерно ослаблял» [Виноградов, Степанов: 522].

Однако Н. С. Тихонравов, комментируя слова Пасичника, резонно тут же отмечал, что «обвинение издателя “Отечественных Записок”, высказанное устами Фомы Григорьевича,

⁵ О. М. Сомов к моменту полемики с Н. А. Полевым был уже более года знаком с Гоголем [Виноградов. Летопись; т. 2: 81]. В начале декабря 1830 г. он, в частности, отмечал этнографическую верность «Бисаврюка...», приоткрывая при этом отчасти и настоящее имя его автора и обнаруживая свое знакомство с Гоголем. Сомов сообщал, что повесть написана «одним молодым литератором, Г-м Г<оголем> Я<новским>» [Сомов, 1830: 17].

значительно смягчается <...> оговоркою», что сам рассказчик любил «переиначивать» свои истории [Тихонравов: 516]. В качестве автохарактеристики приемов, которые Гоголь применил при переделке «Бисаврюка...», исследователь приводил строки позднейшего гоголевского письма к С. П. Шевыреву от 28 февраля (н. ст.) 1843 г.:

«...никто не знал, для чего я производил переделки моих прежних пьес... <...> ...на этом одном я мог только привыкнуть производить плотное создание, сущное, твердое, освобожденное от излишеств и неумеренности, вполне ясное и совершенное в высокой трезвости духа» (12: 187).

По-видимому, уже при переделке «Бисаврюка...» в Гоголе как писателе обнаружилось стремление «поднимать» свои произведения от уровня условно-романтических до созданий, которые могли бы претендовать на звание «классических». Об этом он писал позднее в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.»:

«Много писателей в творениях своих <...> романтической смелостью <...> изумляли <...> общество. Но как только из среды их выказывался талант великий, он уже обращал это романтическое, с великим вдохновенным спокойствием художника, в классическое, или, лучше сказать, в отчетливое, ясное, величественное создание» (7: 503).

Целый ряд исправлений в «Вечере накануне Ивана Купала», сделанных Гоголем в 1831 г., обнаруживают общую тенденцию к «освобождению от излишеств и неумеренности», бывших в первой редакции, — к сокращению описаний и сглаживанию резких выражений. Так, в частности, вместо: «самой негодной хутор» [Гоголь, 1830а: 239] — Гоголь во второй редакции исправил: «самой бедной хутор» [Гоголь, 1831: 84]. Переработан был фрагмент:

«В этой-то деревушке имел притон свой — человек... <...> ...у него в лесу был шалаш, совершенно похожий на ятку, в какой обыкновенно у нас во время ярмонки Жидовки продают горелку. Те же, которым случалось проходить мимо этого бесовского гнезда, утверждали, что слышали какой-то странной, бессмысленной шум и речь совершенно не нашу» [Гоголь, 1830а: 239].

Фрагмент был исправлен и сокращен до одной фразы: «В этом-то хуторке показывался часто человек...» [Гоголь, 1831: 88]. Имя «Бисаврюк» было изменено на «Басаврюк». Исключены были также следующие резкие фразы: «будь я такой же, как ты бородатой козел» [Гоголь, 1830а: 244]; «...Петро был главным гетманом всего домашнего скота, принадлежавшего богатому козаку...» [Гоголь, 1830а: 246]; «Ну, ни дать, ни взять, сама правоверная супруга сатаны» [Гоголь, 1830а: 261] и др.

При «переименовании» повести в 1831 г. Гоголь, вероятно, стремясь избежать излишнего «морализаторства» и прямого внушения, исключил из нее и ряд фрагментов, более отчетливо обнаруживавших христианскую позицию автора, его заинтересованность в действительности пастырской проповеди и повышенный интерес к «сверхъестественному». Так, сравнительно с журнальным изданием фраза: «Но нам более всего нравились повести, имевшие основанием какое-нибудь старинное, сверхъестественное предание, которые нынешние умники без зазрения совести не побоялись бы назвать баснею...» [Гоголь, 1830а: 239], — в 1831 г. была сокращена: «Но <...> дивные речи про давнюю старину <...> не занимали нас так, как рассказы про какое-нибудь старинное чудное дело...» [Гоголь, 1831: 84–85]. Утверждение рассказчика в связи с этим: «...я готов голову отдать, если дед мой хотя раз солгал в продолжение своей жизни» [Гоголь, 1830а: 239], — стало выглядеть иронично: «...в жизнь свою он никогда не лгал; и что, бывало, ни скажет, то именно так и было» [Гоголь, 1831: 85]. Эта «сдерживающая» правка была, однако, тут же «компенсирована» новым фрагментом об светских «умниках», не разбирающих «простого часослова», и о «неверье» и «иноверцах», лгущих на исповеди [Гоголь, 1831: 86]. «Приглушением», в художественных целях, учительского пафоса объясняется, по-видимому, и указанное выдвигание на первый план в «Вечерах...» в качестве основного рассказчика, не дьяка, а Пасичника — хотя опять-таки, как уже говорилось, «церковному» рассказчику сам Рудый Панько отдает приоритет.

Исключена была в 1831 г. и следующая яркая, значимая фраза повести, которая тоже обнаруживала проповеднический настрой Гоголя:

«Ну, да тогдашние времена были пожестче наших. Тетка моего деда говорила, что, несмотря на все усилия отца Афанасия растрогать своих прихожан проповедью, он только мог видеть широкие их пасти, которые они со всем усердием показывали в продолжение его речей» [Гоголь, 1830а: 251] (о развитии этого мотива в последующем творчестве Гоголя см.: [Виноградов, 2021с: 246]).

Церковь в первоначальной редакции называлась «во имя *Трех Святителей*» [Гоголь, 1830а: 243] (в последующей редакции: «Святого Пантелея» [Гоголь, 1831: 90]). Новое наименование церкви было связано с изменением характеристики главной героини. В журнальной редакции подчеркивалась набожность Пидорки, которая «целой день простаивала перед иконою, да молилась о спасении души Петра» [Гоголь, 1830b: 433]. В окончательной редакции отмечалось, напротив, суеверие героини. Согласно авторскому замыслу, упоминание о церкви Святого Великомученика и целителя Пантелеимона «подсказывает», к кому Пидорке следовало обратиться за помощью, — тогда как она, с чужой подсказки, обращается к «колдунье, жившей в Медвежьем овраге» [Гоголь, 1831: 118], [Виноградов, 1998: 14]. Возможно, в развитии этого мотива Гоголь воспользовался повестью О. М. Сомова «Русалка», где дважды говорится об «услужливых старушках», советующих героям в затруднительных обстоятельствах «идти к колдуну» [Сомов, 1829: 66, 69], [Дмитриева: 713]. По церковным правилам, обращающиеся к колдунам лишаются, по степени вины, участия в таинствах на несколько лет и отлучаются от Церкви (см. об этом подробнее: [Виноградов, 2021а: 55]). Этот же мотив был затем развит Гоголем в «Ночи перед Рождеством», где «миряне», в том числе «набожный» кузнец Вакула, добровольно обращаются за помощью к «пузатому» колдуну-знахарю Пацюку (очевидному новому «перевоплощению» колдуна Бисаврюка) (о чрезвычайной роли знахаря на Украине в первой половине XIX в. см.: [Грицко-Основьяненко]). В целом обличение суеверных обычаев и «детских» народных предрассудков является сквозной темой, поднимаемой практически во всех повестях «Вечеров на хуторе близ Диканьки». В этом направлении своего творчества Гоголь также придерживался

церковной и проправительственной позиции: писатель ориентировался на целый ряд духовных и гражданских постановлений, а именно — законов о суевериях и суеверных обрядах, об уголовном преследовании волшебников, черно-книжников, кликуш, колдунов и обманщиков-чародеев [Виноградов, 2021a: 54].

Кроме этой обличительной составляющей, в первом прозаическом произведении Гоголя, так же, как в опубликованной еще ранее юношеской поэме «Ганц Кюхельгартен», содержится немало важных мотивов, характерных для его последующей прозы. В ранней редакции «Вечера накануне Ивана Купала» эти мотивы тоже обнаруживаются более явно, чем в последующей. До краткой фразы: «Одеревенел Корж, разинув рот и ухватясь рукою за двери» [Гоголь, 1831: 95], — было сведено в 1831 г. описание, в котором можно увидеть прообраз будущей «немой сцены» «Ревизора» (1836):

«Это явление так ошеломило его, что он долго стоял, как окаменелой, разинувши рот и взявшись одною рукою за деревянную задвижку полурастворенной двери» [Гоголь, 1830a: 246].

(В качестве некой «компенсации» фрагмента, исключенного в «Вечере накануне Ивана Купала», соответствующие «немые сцены» появились тогда в «Сорочинской ярмарке»: «Ужас оковал всех, находившихся в хате» (1/2: 103); в «Майской ночи...»: «Голова стал бледен, как полотно. <...> ...ужас изобразился в лице писаря; десятские приросли к земле...» (1/2: 145); в «Страшной мести»: «...вдруг стал он недвижим <...>, не смея пошевелиться, и <...> волосы щетиною поднялись на его голове. <...> ...непреодолимый ужас напал на него» (1/2: 234). Но и в «Вечере...» осталась похожая сцена: «Выпуча глаза и разинув рты, не смея пошевелинуть усом, стояли козаки будто вкопанные в землю. Такой страх навело на них это диво» — 1/2: 125.) Искушение золотом героя «Вечера накануне Ивана Купала» задолго предваряет сцену искушения червонцами художника в «Портрете» (1834).

Глубокой психологической правдой отличается в «Вечере накануне Ивана Купала» описание состояния главного героя повести после совершенного преступления:

«...будто сквозь сон, вспомнил он, что искал клад какой-то... <...> Но за какую цену, как достался он, этого никаким образом не мог понять. <...> ...и все думает об одном, все силится припомнить <...> и <...> не может вспомнить... <...> и после снова принимается припоминать, и снова бешенство, и снова мука...»⁶ [Гоголь, 1831: 109, 117–118].

В первоначальной, журнальной, редакции повести Гоголь объяснял «забывчивость» своего героя прельщением доставшимся богатством:

«...каким образом достал он клад <...> никак не мог понять. — Да и до того ли, когда перед глазами такая несметная куча денег?» [Гоголь, 1830b: 422].

Эта черта героя была еще более подчеркнута рассказчиком-дьяком в эпизоде встречи Петруся со своим искусителем в шинке, где тот пообещал «выручить» его из беды. В этом фрагменте религиозное содержание повести было выражено с большей прямоотой, чем во второй редакции:

«Петро <...>, перекрестившись и три раза плюнув, молвил: недаром тебя почитают за дьявола... <...> Часто видел он Бисаврюка, но тщательно избегал с ним всякой встречи... <...> ...а теперь был готов обнять дьявола, как родного брата. Ведь иной раз навождение бесовское так ошеломит тебя, что сам пресловутый сатана — прости, Господи, согрешение — покажется Ангелом» [Гоголь, 1830a: 254–255].

В последующей редакции эти строки, обнаруживающие знакомство Гоголя со святоотеческой и житийной литературой («...сам бо сатана преобразуется во ангела светла» — 2 Кор. 11:14), были исключены. (Не попала также в печатное издание соответствующая фраза черновой редакции «Сорочинской ярмарки»: «...деньги в карманах, так и лукавый станет ангелом» [Гоголь, 1940: 336].)

Только в «Бисаврюке...» (т. е. в журнальной редакции повести) имеется описание героя, напоминающее будущий образ скряги Плюшкина в «Мертвых душах». В редакции 1831 г. этот фрагмент был исключен:

⁶ Впоследствии Ф. М. Достоевский в «Преступлении и наказании» почти буквально повторил это описание психологического состояния преступника после совершенного убийства.

«...Петро сначала хоть нищей братии уделял из своих мешков, теперь же ни копейки ни на церковь, ни жене своей, так что впоследствии ей даже ходить не в чем было. Бедность в хате такая, какой у последнего бобыля не бывает. Петро дрожит, вынимая копейку...» [Гоголь, 1830b: 433].

Продолжение в последующем творчестве Гоголя получил также рассказ о попытках героя «Бисаврюка...» овладеть кладом:

«Уже он хотел достать его рукою, как сундук глубже и глубже стал погружаться в землю...» [Гоголь, 1830a: 262].

В 1832 г. Гоголь, собирая материалы для задуманной «Комед<ии>», записал следующее «старое правило», содержание которого поясняет сюжет «Бисаврюка...»:

«...уже хочет достигнуть, схватить рукою, как вдруг помешательство и отдаление желанного предмета на огромное расстояние. Как игра в наикдку и вообще азартная игра» (7: 130).

Это «правило» было положено тогда же Гоголем в основу незавершенной комедии <Владимир 3-й степени>, герой которой после нескольких попыток получить Владимирский крест сходил с ума. Преступление героя «Бисаврюка...» Гоголь тоже изображает как безумие азарта. В журнальной редакции помутнение сознания объяснялось двумя причинами — азартом и влюбленностью:

«Глаза у Петруся разгорелись... тут, в добавку, представилось ему отчаяние Пидорки, принужденной идти за нечестивого католика... Ум его помутился; как сумасшедший бросился он за нож...» [Гоголь, 1830a: 264].

Во второй редакции в качестве главной причины помешательства остается только азарт:

«Глаза его загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож...» [Гоголь, 1831: 107].

Удаление в 1831 г. строк об «отчаянии Пидорки, принужденной идти за нечестивого католика», соответствуют исключению в новом варианте обширного фрагмента журнальной редакции, где преступление героя, его стремление добыть золота, лукаво мотивировалось благовидным предложением противостояния «иноверцам», борьбой с «нечестивыми»:

«...Выдумал ехать на Дон <...> — воевать Туретчину или Крымцев. <...> ...то и дела, что видит он кучи золота, драгоценные камни ограбленных иноверцев беспрестанно чудились ему перед глазами; и во сне «размахивал он руками, как будто поражая нечестивые толпы Крымцев и Ляхов» [Гоголь, 1830а: 252].

В соответствии с этим исключением вместо: «про тиранские мучительства Ляхов» [Гоголь, 1830а: 239]; «беззаконные толпы Ляхов» [Гоголь, 1830а: 241], — в новой редакции было напечатано просто: «про Ляхов» [Гоголь, 1831: 84]; «Ляхи» [Гоголь, 1831: 88].

Вспоминая о «давних временах» казачества, рассказчик «Вечера накануне Ивана Купала» в свою очередь замечал:

«...тогда козаковал почти всякой и набирал в чужих землях немало добра... <...> Какого народу тогда не шаталось по всем местам: Крымцы, Ляхи, Литовцы⁷! Бывало то, что и свои наедут кучами, и обдирают своих же» [Гоголь, 1831: 87–88].

В журнальной, первоначальной, редакции повести об этом «лихом времечке» говорилось еще более откровенно:

«Не слишком бывало весело, когда нагрянут беззаконные толпы Ляхов. А Литва? А Крымцы?.. <...> Да еще лучше: бывало свои, как нет поживы в неверной земле, навалят ватагами, да и обдирают своих же. <...> Добром или худом было нажито золото, о том предки наши мало заботились! не то было время. Всякий знавал за собой грешок и разве из тысячи только один мог выбраться такой, у которого обе руки были святы» [Гоголь, 1830а: 240–241; 1830b: 423].

Известный историк Малороссии Д. Н. Бантыш-Каменский, трудами которого пользовался Гоголь при создании своих «малороссийских» произведений, в частности, замечал: «Запорожец играл на бандуре, припевая песни, но песни сии уподоблялись жестокому его нраву. Вместо любви и семейственного счастья он воспевал знаменитые убийства и разбои, предками его или им самим учиненные» [Бантыш-Каменский, 1822: 10–11; 1830: 61]. В обеих редакциях повести Гоголь, характеризуя казаков, тоже писал: «...одни отжались и откосились, другие, которые были *поразгульнее*, начали в поход снаряжаться» [Гоголь, 1830b: 430–431; курсив наш. — *И. В.*];

⁷ В 1836 г. слово «Литовцы» было исправлено на «Литвинство» [Гоголь, 1836: 79].

«Много козаков откосилось, много козаков, поразгульнее других, и в поход потянулось» [Гоголь, 1831: 116]. Тем не менее в 1831 г. Гоголь в словах «буйные наезды Запорожцев» [Гоголь, 1830а: 239] определение «буйные» снял (осталось только: «наезды Запорожцев» [Гоголь, 1831: 84]). И хотя одновременно было снято и упоминание о Богдане Хмельницком (которое имелось в журнальной редакции: «...еще за малолетство Богдана...» [Гоголь, 1830а: 239]), но слова рассказчика о других казацких гетманах и атаманах XVI–XVII вв. («про удалые подвиги Подковы, Полтора-кожуха и Сагайдачного» [Гоголь, 1830а: 239]; «про молодецкие дела Подговы, Полтора-Кожуха и Сагайдачного» [Гоголь, 1831: 84]) остались.

Колебания Гоголя в оценке казацких походов, обнаруживающиеся при сличении двух редакций «Вечера накануне Ивана Купала», предвзвешивают будущее изображение писателем подвигов запорожцев в «Тарасе Бульбе» (1834), где мысль о христианском долге, о пролитии крови «за други своя» (Ин. 15:13), объединяющем и сплывающем казацких героев, сочетается с критикой тех неидеальных черт запорожцев, которые препятствуют осуществлению в полной мере их высокого призвания [Виноградов, 2009: 489–494; 2018b: 16–23]. В «Бисаврюке...» встречается, в частности, упоминание о «шитыми серебром поясах» парубков [Гоголь, 1830b: 426] — традиционном предмете украинской роскоши и щегольства (нарядные шелковые или шерстяные, затканые серебром или золотом пояса (польского и восточного изготовления) стоили очень дорого; см.: [Один из предметов...]). Тема соблазнительной роскоши воплощается в «купальской» повести в ярких обольстительных нарядах красавицы Пидорки — это шитый золотом кунтуш, красные сафьяновые сапоги «на высоких железных подковах», разноцветные, парчовые ленты (1/2: 117, 122). Все эти украшения прямо служат к тому, что прельщенный обаянием своей возлюбленной Петрусь решается ради нее сначала «идти в Крым и Туречину, завоевать золота» (1/2: 118), а затем на деле поднимает руку на жизнь другого человека, брата Пидорки. Происхождение обольстительных украшений напрямую связано в повести с пребыванием в селе «бесовского человека» Бисаврюка:

«Пристанет, бывало, к красным девушкам: надарит лент, серег, монист — девать некуда!» (1/2: 115) (подробнее об этом см.: [Виноградов, 1998: 12–13]).

Тема пагубной роскоши, в свою очередь, является одной из важных для замысла «Тараса Бульбы» как произведения о самоотверженных героях, не всегда следующих христианским заповедям, прельщаемых пьянством и корыстолюбием.

Отдельного внимания требует значимое пространное дополнение, впервые появившееся в «переиначенной» редакции повести. Вместо краткой фразы в первоначальном тексте о чувствах девушки, разлученной с любимым: «...Пидорка нивесть как покучила по нем...» [Гоголь, 1830а: 255], — в 1831 г. в повесть было внесено обширное «песенное» обращение героини к возлюбленному, передаваемое через младшего брата: «Ивасю мой милой, Ивасю мой любой! беги к Петрусью... <...> Темная, темная моя будет хата! <...> крест будет стоять на крыше!». За этим следует такой же лирический «песенный» ответ героя: «...гладкое поле будет моя хата, сизая туча — моя крыша...» [Гоголь, 1831: 97–98]. Эти и другие народно-песенные мотивы повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» являются не просто «заимствованиями из народной поэзии», как это нередко полагали исследователи (см.: [Шенрок: 167]). Ко времени появления «песенных» дополнений в «Вечере накануне Ивана Купала», вероятно, уже была написана следующая в сборнике повесть «Майская ночь, или Утопленница», где Гоголь не просто воспользовался этнографическим материалом, не только изобразил носителей фольклора, но и сознательно вывел образ одного из его создателей, казака-«песельника» Левко. Соответствующие образы не только исполнителей, но и творцов народного репертуара — а также народной живописи — появились тогда же в «Вечерах...» в «Ночи перед Рождеством», в «Страшной мести»; позднее — в главе «Кровавый бандурист», в повести «Тарас Бульба». В статье «О малороссийских песнях» Гоголь тоже делал акцент на народном сочинительстве (замечая, к примеру, что песни «сочиняются мгновенно», «не с пером в руке, не на бумаге», и что многое, например, удачные рифмы, и не могли бы прийти «поэту с пером в руке» (7: 174–175)). Здесь Гоголь также не просто

характеризовал произведения народной музыки, но параллельно приводил образы их создателей, представляя, в частности, поэта-женщину, сочиняющую жалобную элегию:

«Ко всему применяет она состояние свое и не может наговориться: потому что человек многоречив всегда, когда в его грусти заключается тайная сладость» (7: 171).

В еще нескольких персонажах цикла «Вечеров...» выведен целый ряд создателей фольклорных произведений — сказок и быличек. Это те самые народные рассказчики, о которых уже говорилось и которые, надо сказать, у Гоголя не только рассказывают истории, но и *состязаются в авторстве* [Виноградов, 2017: 55, 62]. В этих образах, в том числе в образе церковного дьяка-рассказчика, писатель с очевидностью и самого себя осмысляет в качестве продолжателя народной традиции, — по замечанию дьяка Фомы Григорьевича, alter ego автора, «как будто залез в прадедовскую душу, или прадедовская душа шалит в тебе» (1/2: 154) [Виноградов, 2010: 679–682]. (Наиболее характерный подобный пример в позднейшей литературе — «народные сказы» П. П. Бажова, которые, как выясняется, первоначально создавались даже в качестве прямых этнографических «отчетов» о якобы реально собранном фольклоре [Бобрихин].)

Кроме песенного «диалога» Пидорки и Петруся, в «Вечере накануне Ивана Купала» Гоголь и в самом слоге применяет те народно-поэтические принципы, которые отметил в статье «О малороссийских песнях»:

«Песни их почти никогда не обращаются в описательные и не занимаются долго изображением природы. <...> Часто вместо целого внешнего находится только одна резкая черта... <...> В них нигде нельзя найти подобной фразы: *был вечер*; но вместо этого говорится то, что бывает вечером, например: “Шли коровы из дубровы, а овечки с поля”» (7: 173).

По-видимому, Гоголь прямо подразумевал здесь строки собственной повести, находившиеся в ее первоначальной редакции (исключенные в 1831 г.):

«Но вот уже солнышко закатилось. Рев и бляение коров и овец слышались в отдалении...» [Гоголь, 1830а: 258].

Впоследствии представления Гоголя об *авторском* начале созданий фольклора — указывающем на разнообразные таланты народа в целом — отозвались и в критическом замечании в «Выбранных местах из переписки с друзьями» о «немецких умниках», произвольно растворявших, по мнению Гоголя, авторское начало в «коллективном-бессознательном», — «выдумавших, будто Гомер — миф, а все творения его — народные песни и рапсодии» (6: 31). (Как писал в 1836 г. Н. И. Надеждин, сам народный язык — «это великая тысячеустная поэма, <...> которой Гомером целая нация!»: «Иногда <...> великие гении являются в народе, <...> берут на себя дело народа, <...> решают судьбу языка, полагают основной камень литературе. Таков был Гомер для древней Эллады, таков был Дант для новой Италии! <...> Так <...> создался язык Германии целым рядом талантов, в продолжение почти полувека!» [Надеждин, 1836: 204].)

Показательно при этом, что «песенные» фрагменты повести тоже передает дьяк Фома Григорьевич — и для него, как типичного представителя народа, это является вполне органичным и естественным. Воспроизводя народные черты дьяка-рассказчика, Гоголь в свою очередь подчеркивает этим народность церковного мировоззрения. Однако и в этом случае писатель, будучи реалистом уже в самых первых своих произведениях, избегает упрощающей прямолинейности. Согласно наблюдениям Гоголя, народная среда впитывает в себя и доброе, и злое, вбирает и набожность, и предрассудки, вплоть до пагубных суеверий, которые отчасти разделяет (по замыслу автора) сам рассказчик Фома Григорьевич. Эти черты в наибольшей степени Гоголь придал дьяку-повествователю во второй редакции «Вечера накануне Ивана Купала» (см. об этом подробнее: [Виноградов, 1998: 13–14; 2021a: 55–56]). Одновременно Гоголь с бережностью относился к народным «чудесным» преданиям, видя в них зачатки подлинной веры [Виноградов, 2021c: 245, 255–256]. Позднее в свою записную книжку он внес заметку о народном праздновании Ивана Купала, позволяющую догадываться о характере авторского интереса к изображенному им миру:

«Ко времени Купала приходят в зрелость все лекарственные травы и коренья, а потому и собираются»; «Гаданья, собиранья трав в сии дни, когда природа совокупляет все свои силы и тайны, вдыхает предчувствие мира духовного...» (9: 692).

2 апреля 1830 г. Гоголь вместе с письмом отправил матери в Васильевку анонимно изданный роман А. К. Бошняка и П. П. Свинына «Ягуб Скупалов» [Бошняк, Свинын], а также те первые номера «Отечественных Записок» за 1830 г., в которых был напечатан «Бисаврюк...» (имени автора повести Гоголь при этом матери не сообщил):

«Вы теперь, кажется, не получаете никакого журнала. Посылаю вам один, который, по важности своих статей, почитается здесь лучшим и который достается мне даром, по причине небольшого моего участия в издании его. Каждый месяц выходит книжка, которую я буду немедленно препровождать к вам. Посылаю вам также нововышедший роман, подаренный мне самим автором» (10: 136).

Мать Гоголя, получив от сына посылку, легко догадалась, кто был создателем «Бисаврюка...», — но ошибочно приписала ему же и авторство «Ягуба Скупалова». 11 июля 1830 г. М. И. Гоголь-Яновская сообщила из Васильевки двоюродному брату Павлу П. Косяровскому:

«Сын мой <...> присылает мне один из лучших журналов под названием Отечественные записки, которой, он пишет, достается ему даром, потому что он помещает свои статейки, но все они без подписи и по одним догадкам только я узнаю, что его, иные малороссийские, в которых помещены мужиков наших имена и фамилии, которые он находил странными» [Виноградов. Летопись; т. 2: 76].

Далее в письме М. И. Гоголь-Яновская сообщала о получении от сына романа «Ягуб Скупалов»:

«И при сих журналах прислал мне новой нравственной роман, которой, пишет, получил он от самого сочинителя, мне любопытно было его узнать, но подписи не было, и по слогу заключаю, что должен быть его, и написала теперь ему, что излишняя уже скромность не подписать на нем своего имени...» [Виноградов. Летопись; т. 2: 76].

История отправления матери «Бисаврюка...» вместе с «Ягубом Скупаловым» дает возможность обнаружить еще одну

характерную черту, объединяющую первую повесть Гоголя с тем направлением, которое приобрело его творчество вскоре по издании «Вечеров...». В «Бисаврюке...» наличествуют не только отдельные мотивы, воплощенные позднее Гоголем в других произведениях (на что указывалось выше). Ошибаясь в авторстве, мать Гоголя, вероятно, интуитивно почувствовала дальнейшее развитие таланта сына. Возможно, ее одновременные ошибка и верное предвидение основывались на отдаленном, но значимом сходстве присланных сыном двух произведений, а именно — на наличии элементов обличения и в «Бисаврюке...», и в «нравственно-сатирическом» романе «Ягуб Скупалов».

Издание романа, подаренное Гоголю одним из его авторов, издателем «Отечественных Записок» Свиныным, начинается с характерного предисловия, которое не могло не привлечь внимания будущего создателя «Ревизора»: «Нет сомнения, что *Бригадир* и *Недоросль* Фон Визина сделали большое влияние на нравственность того века, для которого они были написаны. Опытными и беспристрастными людьми замечено, что частые представления и распространение сих характерных комедий искоренили многие пороки и обычаи, в них осмеянные; прозвища Митрофанушки, Простаковой, Адама Адамыча, Скотинина — наводили ужас на общества...» [Бошняк, Свинын: III] (это предисловие Свинын впервые напечатал еще в 1821 г.; см.: [Свинын, 1821]). Вероятно, именно вступление Свинына к роману «Ягуб Скупалов» и послужило в период создания «Вечеров...» толчком к появлению образа драматурга-сатирика Д. И. Фонвизина в «Ночи перед Рождеством» (как создателя хвалимой в повести Екатериной II — и упоминаемой Свиныным в предисловии к его роману — комедии «Бригадир»). (Еще одно напоминание о Фонвизине появилось у Гоголя в незавершенной повести «Страшный кабан» (1830) в характеристике домашнего учителя-семинариста Ивана Осиповича, «убоявшегося бездны премудрости» (7: 52). В этой ранней повести Гоголь воспользовался строками «*Недоросля*» об одном из наставников Митрофана — вышедшем «из ученых» семинаристе Кутейкине.)

Размышления о благодетельной силе смеха — как средства обличающего воздействия — были развернуты в этот же

период в следующей повести цикла «Вечеров...» — «Страшная месть» (см.: [Виноградов, 2020а: 52–54]). Сразу после издания сборника, спустя лишь два месяца после выхода в свет заключительной его части, Гоголь непосредственно приступил к работе над сатирической комедией (см. подробнее: [Виноградов, 2020а: 54–57]). Именно тогда в его записной тетради появился черновой набросок «Комед<ия>», содержание которого, как указывалось, прямо перекликается с сюжетом «Бисаврюка...».

В 1940 г. Г. С. Виноградов и Н. Л. Степанов обозначили многочисленные фольклорные мотивы гоголевской повести [Виноградов, Степанов: 524–527]. Следует, однако, отметить одно немаловажное, обойденное вниманием исследователей обстоятельство. Необходимо иметь в виду, что первое прозаическое произведение Гоголя (как и все последующие его «малороссийские» повести) носит не просто фольклорный характер — характер, как бы «естественно» и спонтанно проявлявшийся у коренного уроженца Малороссии. Наряду с этой яркой чертой повесть обладает еще и вполне намеренным, *сознательно* воплощенным автором *этнографизмом* — существенно отличающимся от «стихийного» народно-поэтического настроения художника. Это уже взгляд не только любителя и носителя фольклора, но и позиция исследователя: «...в своем народничестве, в деле этнографии Гоголь вполне примыкал к своим современникам землякам как к художественно-литературному движению, так и к научно-этнографическому» [Соколов: 5].

«Вечер накануне Ивана Купала» Гоголь создавал тогда, когда его писательское призвание определилось еще не вполне. После неудачи в 1829 г. с «Ганцем Кюхельгартенем» он обратился тогда к занятиям исключительно литературно-ученым. Те этнографические материалы, которые он просил мать прислать ему в тот период в Петербург, изначально для художественного воплощения *не* предназначались. Хотя, запрашивая материалы о народном быте, Гоголь писал матери, что «в тиши уединения» готовит «запас», который не напечатает до тех пор, пока «порядочно» его «не обработает» (10: 113),

однако речь в этих строках шла *не* о художественном произведении. Говоря о своем труде, Гоголь просил мать «ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования»:

«Сочинение мое, если когда выдет, будет на иностранном языке, и тем более мне нужна точность, <чтобы> не исказить неправильными именованиями существенного имени нации» (10: 114).

В 1892 г. Ф. А. Витберг, комментируя гоголевские строки, не без оснований предположил, что сочинением, которое Гоголь намеревался подготовить и издать «на иностранном языке», была история Малороссии: «Гоголь собирал материалы для какого-то сочинения, но, очевидно, *не поэтического*, ибо затевать поэтическое произведение на *иностранном языке* было бы ни с чем не сообразно. Да и точности, о которой, как видно из <...> письма, хлопотал Гоголь, для поэтического произведения вовсе не требуется. Очевидно, материалы эти нужны были ему не для чего другого, как для задуманной им истории Малороссии...» [Витберг: 393–394], см. также: [Соколов: 15]. Позднее, в начале 1834 г., в «Объявлении об издании Истории Малороссии», Гоголь действительно замечал, что он «около пяти лет», т. е. с 1829 г., собирал «с большим старанием материалы, относящиеся к истории этого края» (7: 157).

Обращение Гоголя к полученным от матери этнографическим сведениям как материалу для художественного произведения следует датировать более поздним временем, а именно периодом после возвращения Гоголя в Петербург из двухмесячной заграничной поездки, куда он отправился сразу после сожжения юношеской поэмы «Ганц Кюхельgarten».

В Петербург из Германии Гоголь вернулся 22 сентября 1829 г. Но и после этого, в конце сентября — октябре, он еще не собирался отдаться литературно-художественному творчеству: Гоголь предпринял тогда попытку поступить на сцену — актером [Виноградов. Летопись; т. 2: 43–47]. После неудачной попытки вступить на театральные подмостки 1 ноября было принято другое решение: Гоголь подал прошение о зачислении на службу в Министерство внутренних дел. И только 12 ноября 1829 г. последовало новое обращение Гоголя к матери о доставлении ему этнографических материалов, на этот раз уже с конкретным художественным «уклоном», — Гоголь просил

мать «сведений о поверьях, обычаях малороссиян, сказках, преданьях, находящихся в простонародьи» (10: 124). Вероятно, однако, и в этом случае Гоголь еще ставил перед собой двойную задачу: с одной стороны, собирался продолжить работу над историей Малороссии, с другой — задумывал во второй раз испытать силы на литературно-художественном поприще, на этот раз в прозаическом жанре. Именно в конце 1829 г. Гоголь вступил в тесное сотрудничество с издателем «Отечественных Записок» Свиным, предоставив ему тогда для публикации сразу несколько обширных исторических материалов, главным образом по истории Малороссии [Виноградов. Летопись; т. 2: 56, 69–71]. К этому же времени — к концу 1829 г. — относится и начало работы над «Бисаврюком...».

Судя по материалам, предоставленным Свиному, интерес к истории Украины (т. е. к труду, задуманному и начатому в 1829 г.) с новой, второй попыткой обращения к художественному творчеству не исчез: он лишь готовился получить «поэтическую» обработку [Виноградов, 2009: 415–416]. Как уже указывалось, в первой редакции «Вечера накануне Ивана Купала», в «Бисаврюке...» (написанном и опубликованном еще до начала польского восстания 1830–1831 гг.), имеются прямые упоминания об украинских гетманах и атаманах и «тиранских мучительствах Ляхов». Историю родного края Гоголь затронул также в других повестях «Вечеров...» — в «Ночи перед Рождеством», «Страшной мести». В конце 1830 г. была напечатана также его «Глава из исторического романа» (романа «Гетьман»).

Сами по себе «Отечественные Записки» Свинына, где в 1830 г. появился, наконец, «Бисаврюк...», были журналом по преимуществу историко-этнографическим. Один из первых рецензентов гоголевской повести, уже упомянутый земляк писателя Сомов, объясняя появление «Бисаврюка...» в журнале, сообщал: «*Отечественные Записки*, издаваемые Г<-ном> Свиным, вообще содержат в себе исторические, статистические и топографические сведения о России...⁸ <...> *Отечественные Записки* вмещают иногда в себя и статьи

⁸ Сам Свиный о цели своего журнала сообщал, что издание призвано открыть соотечественникам «Историю Рус<с>кую древнюю и новую <...> памятники славы своего отечества» и «познакомить» их с «соотичами своими» [Свиный, 1818: 3].

чисто литературные, напр<имер> повести, иногда в них появляющиеся. Желая соединить допущение оных с целью своего журнала, издатель намеревался помещать повести, изображающие нравы, обычаи, домашний быт и поверья разных племен, обитающих в России. Но для сего надобно глубоко изучать отличительные черты каждого из сих племен... <...> ...мы с удовольствием отдадим справедливость помещенной в О<течественных> З<аписках> малороссийской повести *Бисаврюк* <...>: в ней черты народные и поверья Малороссиян выведены верно и занимательно» [Сомов, 1830: 15–17].

Таким образом, первая повесть Гоголя носила характер вполне «адресный»: она была предназначена в «народоописательные» «Отечественные Записки», а потому содержала в себе наглядную картину из народного быта. В противном случае, — будь произведение Гоголя только романтическим (как многие сочинения того времени), — в журнале с характерным историко-этнографическим направлением оно, скорее всего, не появилось бы. (Историко-этнографический характер носит самый зачин повести — описание малороссийского хутора «за сто» лет «перед сим», с объяснением его крайней бедности. Этнографический подход потребовал также последующих многочисленных подстрочных примечаний к тексту и заключительного приложения «Объяснение некоторых Малороссийских слов, упомянутых в сей повести» [Гоголь 1830b: 442]; позднее такие же пояснения и словарики появились и в Вечерах...».)

Общая ориентация Гоголя при создании повести на журнал Свинына сказалась, в частности, в том, что в ее первоначальной, журнальной, редакции после упоминания о церкви «во имя *Трех Святителей*» следовал «ученый» «церковно-археологический» отрывок, соответствующий общему направлению «Отечественных Записок»:

«...почтенный Шапар наш Терешко (шапар — шапочник; укр. — *И. В.*) еще недавно, копая ров около своего огорода, открыл необыкновенной величины камень с явственно вырезанным на нем крестом, который, вероятно, служил основанием алтаря...» [Гоголь, 1830а: 244].

В 1831 г., когда потребность соответствовать направлению журнала П. П. Свинына отпала, Гоголь, следуя принятой

в отношении ко всей повести тенденции устранения «излишеств», в том числе назидательных, этот «археологический» отрывок сократил.

Весьма показательно, что и упомянутый спор Сомова с Полевым шел именно вокруг этнографической верности «Бисаврюка...», и то, что еще один рецензент первых повестей Гоголя, Анд. Я. Стороженко (1791–1858), тоже оценивал их главным образом с точки зрения соответствия-несоответствия традиционным народным обычаям. Все это вполне отвечало отмеченному самим Гоголем еще 30 апреля 1829 г., в письме матери, живому интересу тогдашнего российского общества ко «всему малороссийскому» (10: 101).

Ярко выраженный этнографизм повести сказался позднее и в том, что в 1836 г. известный этнограф и фольклорист И. П. Сахаров с очевидностью воспользовался содержанием «Бисаврюка...» в его сочинении «Сказания Русского народа о семейной жизни своих предков». Сахаров внес в свою книгу гоголевское описание движения «цветочной почки» папоротника, ее раскрытия и указания цветка на клад, с пояснениями о «вылипании переполоха» и «заговаривании соняшницы» [Сахаров: 121–122, 144–147].

Следует добавить и то, что в 1830 г., вскоре после публикации «Бисаврюка...», Гоголь, очевидно, и сам предполагал напечатать в тех же «Отечественных Записках» Свиньина тот конкретный этнографический материал, который был положен им в основу повести, а именно — составленную по письму матери от 4 июня 1829 г. заметку «О свадьбах Малороссиян». Фрагмент из письма Марии Ивановны Гоголь-Яновской с таким названием он внес тогда в свою «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию» (9: 563–567). Напечатать эту этнографическую статью Гоголь намеревался вместе с фрагментом другой его заметки в «Книге всякой всячины...», о русалках, — «Малороссия. Отдельные замечания» (9: 540). В начале апреля 1830 г. Свиньин представил в цензуру, для публикации в журнале, две анонимные статьи — «Обряды при свадьбах малороссиян» и «Русалки». Судя по заглавиям, обе они, как и другие предоставленные ранее Свиньину материалы, были переданы в журнал Гоголем. 14 апреля эти статьи

были одобрены цензором Г. И. Гаевским [Степанов: 58–59, 70], но в «Отечественных Записках», по неизвестным причинам, так и не появились. Резонно, однако, предположить, что именно эти статьи — с немного измененными заглавиями: «Обряды при свадьбах у Малороссиян» и «Народные поверья. Русалки», — напечатал спустя два года, выполняя давнее намерение Гоголя, тот же Сомов в «Северной Пчеле». (Сомов опубликовал статьи анонимно, но содержание их точно соответствует указанным этнографическим заметкам Гоголя в «Книге всякой всячины...» [Виноградов, 2021b]. С прекращением к маю 1830 г. сотрудничества с Свиным и тем более ко времени знакомства с Сомовым осенью 1830 г. Гоголь, вероятно, уже оставил мысль напечатать эти статьи.)

Таким образом, первая гоголевская повесть, отмеченная данью романтизму, оказывалась, однако, по ее фольклорному и историко-этнографическому наполнению, глубоко реалистичной. «Народоописательная» задача, которую решал Гоголь, создавая повесть для журнала Свинына, во многом объясняет ее содержание — и хорошо проясняет позицию самого автора. На суд читателя историко-этнографического журнала Гоголь представлял не просто народные обычаи и обряды, но само так называемое «народное православие» — с его традиционными отклонениями от учения Церкви (по сути, Гоголь содержанием этой повести зачинал целый раздел этнографической науки — изучение национального менталитета).

Именно этот трезвый, научный подход Гоголя к изображаемому им миру объясняет, в частности, то, почему народные заблуждения, по замыслу автора, отчасти разделяет, как уже говорилось, сам «духовный» рассказчик повести, представитель народной среды дьяк Фома Григорьевич. В этом персонаже Гоголь тоже вывел одного из тех народных псевдо-«богословов», «специалистов» в духовных вопросах, которые наполняют его ранние и позднейшие произведения, — вроде «богослова» Халявы в повести «Вий», утверждающего, что для укрощения ведьмы следует, «перекрестившись, плюнуть на самый хвост ей» (1/2: 450), или такого же нелепо «богословствующего» винокура в «Майской ночи...» (в «Вечерах...») —

заявляющего, что «только огонь из люльки может зажечь оборотня» (1/2: 145), — или Солопия Черевика в «Сорочинской ярмарке», возражающего рассказчику: «Бог знает что говоришь ты, кум! как можно, чтобы чорта впустил кто-нибудь в шинок: ведь у него же есть, слава Богу, и когти на лапах и рожки на голове» (1/2: 101). (Позднее такого же комического персонажа, представителя «народного богословия», Гоголь вывел, в частности, в образе «набожной» свахи в «Женитьбе» [Виноградов, 2018а: 78].) Не кто другой, как сам дьяк Фома Григорьевич «простоудушно» замечает о «сострадании» непрошеного советчика к несчастной Пидорке, отправившего ее к колдунье: «Раз кто-то уже, видно, сжалился над ней, посоветовал идти к колдунье, <...> про которую ходила слава, что умеет лечить все на свете болезни» (1/2: 124). Эта реплика прямо соответствует замечанию Пасичника в другой повести «Вечеров...», в «Иване Федоровиче Шпоньке...», о гадательной книге, «в конце которой один добродетельный книгопродавец, по своей редкой доброте и бескорыстию, поместил сокращенный снотолкователь» (1/2: 270). О суевренных чиновниках Гоголь в десятой главе первого тома «Мертвых душ» тоже замечал:

«Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится наконец к бабе, которая лечит зашептываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумает сам какой-нибудь декохт из невесть какой дряни, которая, Бог знает почему, вообразится ему именно средством против его болезни» (5: 200).

Эти строки опять-таки являются «продолжением» реплики героя «Ивана Федоровича Шпоньки...»:

«Что вы скажете, милостивый государь, о лекарях? Я думаю, что они просто морочат и дурачат нас. Иная старуха в двадцать раз лучше знает всех этих лекарей» (1/2: 254).

Этнографический интерес — с пристальным вниманием к нравственному и духовному развитию народа — Гоголь как писатель сохранил в себе до конца дней. Все современные научные издания по этнографии неизменно были в круге чтения писателя. В самих «Мертвых душах» — хотя внимание на это до сих пор не обращалось — этот интерес сказывается в весьма значительной мере. Сам стиль повествования выдает

в авторе поэмы не только гениального художника, но и наблюдательного этнографа. В частности, это касается самых первых строк поэмы, которые содержат замечание о «двух русских мужиках» (5: 9) и которые, как известно, своей «отстраненностью» вызвали, еще при жизни Гоголя, читательскую полемику: недоброжелательно настроенные к писателю современники «заметили, что москвич уже никак бы не сказал “два русских мужика”» (какой же нации могут еще быть мужики на Руси!) (12: 502–503). Как бы предупреждая эти упреки, рассказчик в поэме по поводу описания двух характерных представителей народа, крепостных слуг Чичикова Селифана и Петрушки, замечает:

«...автор любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем и с этой стороны, несмотря на то что сам человек русский, хочет быть аккуратен, как немец» (5: 20).

Несомненно этнографический характер носят заметки Гоголя в его записных книжках, использованные при создании поэмы [Соколов: 43–44, 47–54]. К замечанию о «русских мужиках» примыкают в «Мертвых душах» схожие слова в первой главе «Мертвых душ», «поясняющие», что в «русских трактирах» слуг называют половыми (5: 9); заключительные слова десятой главы о том, что «многое разное значит у *русского народа* почесыванье в затылке» (5: 208; курсив наш. — *И. В.*); и сами хрестоматийные строки о птице-тройке, которая «у бойкого народа <...> могла только родиться» (5: 239); и мн. др. Все эти «этнографические» характеристики представляют собой не только особый художественный прием, призванный вызвать у читателя доверие к обстоятельному, «как немец», рассказчику. Они являются действительной подсказкой, что читатель имеет дело с произведением бытописательного характера, призванным отразить неизученную еще самобытность русского народа [Соколов: 45]:

«...может быть, в сей же самой повести <...> предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божескими доблестями, или чудная русская девица... <...> И мертвыми покажутся пред ними все добродетельные люди других племен...» (5: 215–216).

Вместе со знаменитыми «лирическими отступлениями», эта учено-«этнографическая» черта авторского повествования является одной из характерных художественных и содержательных особенностей гоголевской поэмы. Словом, Гоголь имел все основания писать В. Г. Белинскому:

«...Я более пред вами [имею права заговорить] <о> народе. По крайней мере, мои сочинения, по едино<душному> убеждению, показывают знание пр<ироде> русской <...> о чем говорено <было> много и что подтвердили сами вы в ваших критиках. А чт<о предста>вите <вы> в доказательство вашего знания <человеческой> природы и Русского народа, что вы произвели такого, в котором видно <это> зна<ние>?» (14: 390).

Не будет преувеличением сказать, что даже к русской поэзии, в которой, по убеждению Гоголя, черты русского человека нашли наибольшее выражение, он относился в значительной степени именно как этнограф, изучая на произведениях русских писателей «этнографию» самой души народа [Виноградов, 2017]. Его интересовали не столько обряды и обычаи как таковые, сколько сама духовная жизнь народа. Другими словами, Гоголь, в отличие от современных ему и последующих писателей-этнографов, был этнограф-сатирик: такого сочетания в русской литературе не было ни до, ни после Гоголя.

Очевидный фольклорно-этнографический, вполне реалистический характер первой появившейся в печати повести Гоголя не должен заслонять от читающего того обстоятельства, что уже в «Бисаврюке...» вполне сказалось и «притчеобразное», прообразовательное начало гоголевского творчества. Подобно близкому «родству» древних суеверий и греховных обычаев с современными пагубными «законами света», фольклорные и исторические образы произведений Гоголя обнаруживают самую тесную связь с современностью [Виноградов, 2009: 428–429]. Такой обращенный к текущей действительности характер в значительной степени носит описание в повести главного преступления героя.

В народных быличках рассказы об овладении кладом через пролитие крови отсутствуют. В фольклоре встречаются лишь

рассказы о том, что для получения клада искателю следует сначала самому стать разбойником и «загубить сто человек» [Максимов: 167] или же принести человеческую голову взамен клада [К-ий: 547]. Однако, согласно повести Гоголя (в обеих редакциях), кладоискатель должен обладать прямо противоположным свойством: «клады не даются нечистым рукам» (1/2: 123). Кровавая сцена в «Бисаврюке...» имеет явно нефольклорное происхождение.

Еще в 1831 г. Н. И. Надеждин отметил отдаленное сходство изображенной Гоголем сцены с повестью Л. Тика «Любовные чары», или «Приворот» («Liebeszauber», 1811). Повесть была напечатана в русских переводах в журнале «Славянин» (с названием «Колдовство», перевод А. А. Шишкова [Тик, 1827]) и в журнале «Галатей» (с названием «Чары любви», перевод В. К. Тило [Тик, 1830]). (Второй перевод вышел в свет уже после публикации гоголевской повести.) Надеждин, сам увлекавшийся немецкими романтиками (см.: [Тихонравов: 534]), писал: «Замечательно, что *Вечер накануне Ивана Купалы* содержанием своим удивительно сходен с одной повестью Тика: *Чары Любви*. Это может подать повод к любопытным соображениям» [Надеждин, 1831: 563]⁹.

Сходство, по-видимому, было найдено Надеждиным именно в сцене убийства в «Любовных чарах» ребенка демонической старухой (другие эпизоды повести Тика вряд ли могут быть поставлены в ряд с «Бисаврюком...»):

«...она возвратилась, еще ужаснее, чем прежде <...> длинные седые волосы в диком беспорядке развевались вокруг шеи и груди; за нею следовала молодая незнакомка... <...> Между ними стояла милостивая сиротка... <...> ...старуха, бормоча, сверкнула ножом, и зарезала им малютку. Тут, позади них, приподнялось с пола какое-то чудовище... <...> ...черный язык чудовища с жадностью сосал невинную кровь младенца...» [Тик, 1827: 349] (ср. также: [Тик, 1830: 184–185]).

В гоголевской повести:

«Старуха <...> подвела к нему мальчика... <...> Ум его помутился; как сумасшедший бросился он за нож — и кровь невинного младенца

⁹ Анализ этого эпизода см.: [Тихонравов: 526–535], [Гиппиус: 32, 224], [Виноградов, Степанов: 527–528], [Еремина: 261–263], [Дмитриева: 14–716].

брызнула ему в лицо... <...> ...гнусная ведьма, вцепившись руками за обезглавленный труп, с жадностью пила из него кровь...» [Гоголь, 1830а: 263–264].

Одновременно с рецензией Надеждина, обратившего внимание на этот эпизод повести, в критике раздалось, однако, и иное суждение о гоголевском произведении. Другой рецензент гоголевских «Вечеров...», А. Я. Стороженко, подчеркнул оригинальность «Вечера накануне Ивана Купала», сравнительно с тогдашней подражательной литературой¹⁰. Отмечая высокое достоинство и самобытность повести Гоголя («...Повесть сия вообще прекрасна»), критик замечал: «Предание себя Петрусем во власть сатаны за золото, и убийство, совершенное им, — отвратительно в сей Повести; но описание таких ужасов теперь в ходу. — Фауст Гёте, Двенадцать спящих дев, Жуковского, и еще некоторые Повести и Баллады, взбеленили многих; и слабым подражаниям несть конца, по пословице: куда конь с копытом, туда и рак с клешней! Сюда однако же нейдет Вечер накануне Ивана Купалы. — Пусть подобные вечера только пишутся; за читателями у нас теперь дело не станет» [Стороженко: 226, 228–229].

Сходство повестей Тика и Гоголя весьма отдаленно, и даже при сличении сцен убийства можно заметить, что «роли» в гоголевской повести распределены иначе, и «если в мотивировке пролития младенческой крови и есть отдаленное сходство, то в изображении обстоятельств, при которых совершается это дело, нет ничего общего» [Виноградов, Степанов: 527]. В целом действие у Тика происходит в городской обстановке; в повести нет ни поисков клада, ни тем более приурочения к Иванову дню. Между тем в «Бисаврюке...» убийство носит определенно «обрядовый» характер, оно является условием доступа к сокровищу и имеет тесную связь с купальскими поверьями. Однако, как указывалось, сказаний об убийстве ребенка ради заколдованного клада в народных легендах о Купаловом дне все-таки нет. Все вместе это заставляет искать иных источников «сцены ужасов» в «Бисаврюке...».

Можно предположить, что основой для описания «отвратительного» убийства в ранней повести послужил Гоголю при

¹⁰ Статья А. П. Стороженко была подписана 4 декабря 1831 г.; рецензия Н. И. Надеждина вышла в свет после 3 декабря.

создании «Бисаврюка...» иной, не фольклорный, «обрядовый» материал — который, однако же, столь же тесно связан с этим значимым днем. Использованная Гоголем при написании этой сцены псевдорелигиозная традиция, не представленная в фольклоре, имеет не меньшее, чем народные «купальские» обычаи, отношение к Иванову дню. Вероятно, Гоголь, изображая ритуальное убийство, подразумевал один из масонских обрядов, содержание которого и идейно, и композиционно соответствует сюжету повести. Приурочение действия «Бисаврюка...» к дню Ивана Купала — к Рождеству «пророков честнейшего» Иоанна Предтечи, — самого почитаемого, после Девы Марии, христианского святого, — объясняется в этом случае тем, что в Средние века Иоанн Креститель считался покровителем ремесленников-каменщиков, так что последующие «духовные» «вольные каменщики» тоже числили себя под его покровительством [Соколовская]¹¹. (Гоголь как историк в своей <Синхронистической таблице по истории стран Европы и Востока в X–XII вв.> (1831–1833), в частности, упоминал о средневековом «Ордене Иоаннитов в Иерусалиме» — 8: 315.)

Как можно предположить, в описании убийства героем, отправляющимся в мрачный Медвежий овраг, ребенка «лет шести, накрытого белою простынею» (1/2: 121), Гоголь использовал сведения о масонском обряде посвящения в степень «избранного». В повести герой понуждается к убийству (такого понуждения, как и многих других черт гоголевского произведения, нет в повести Л. Тика). Гоголевский рассказчик сообщает:

«Шутка ли отрезать голову человеку, да еще и безвинному младенцу! <...> ...вдруг громовой голос Бисаврюка “вспомни свою клятву!” поразил его, словно пулю. Ведьма топнула ногою...» [Гоголь, 1830а: 263–264].

Принуждение к «отрезанию головы» происходит и в обряде «вольных» каменщиков: «Показывают ему мрачную пещеру: он должен туда сойти; ему кричат: поражай все, что тебе ни станет сопротивляться! Не робей, защищайся и мсти за на-

¹¹ Характерно, что впоследствии в руководимой Г. Гиммлером организации СС, носившей оккультный, неоязыческий, откровенно антихристианский характер, главным праздником тоже считался день летнего солнцестояния [Шкарковский, Казакевич: 525].

чальника нашего! За такую-то цену ты будешь избран. Держа в правой руке кинжал, в левой светильник, он идет далее; там является ему привидение; он слышит опять этот голос: поражай, мсти за Гирама! — Вот его убийца! Он разит; кровь течет. — Отрежь голову убийце. — Уже голова лежит у ног его. Он выносит ее из пещеры с торжеством в доказательство победы своей, показывает ее каждому брату, и тогда провозглашают его достойным степени *избранного*» [Баррюэль: 42–43].

Описанный масонский обряд был хорошо известен современникам. В частности, пародией на него было посвящение в члены литературного Арзамасского общества В. Л. Пушкина, дяди А. С. Пушкина. Это посвящение, относящееся к 1816 г., описал в своих мемуарах литератор М. А. Дмитриев (тоже член масонской ложи — с 1830 г. [Гоголь в воспоминаниях...: 179]):

«Здесь развязали ему глаза — и ему представилась посредине чучела, огромная, безобразная, устроенная на вешалке для платья, покрытой простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище означает *дурной вкус*; подали ему лук и стрелы и велели поразить чудовище. — Пушкин <...> натянул лук, пустил стрелу и упал, потому что за простыней был скрыт мальчик, который в ту же минуту выстрелил в него из пистолета холостым зарядом и повалил чучелу!» [Дмитриев, 1869: 89].

В другой редакции мемуаров:

«За сим ввели его во вторую темную комнату, где перед завесой стояла вешалка, окутанная простыней и с шляпой наверху. Пушкину сказали, что это эмблема дурного вкуса, в образе Шишкова, которого он должен поразить стрелою. Ему подали стрелу и лук. Пушкин натянул тетиву, прицелился и выстрелил, в то время мальчик, сидевший за простыней, выстрелил и в него из пистолета. Чучела повалилась; упал от страха и Пушкин! Его подняли и объяснили, что испытания кончились» [Дмитриев, 1998: 139].

Гоголь, воспитанный в благочестивой христианской семье, всегда критически относился к масонству; он оценивал его как одно из пагубных заблуждений своего времени [Виноградов. Летопись; т. 2: 456]. Это явление стало предметом его обличений в целом ряде произведений. Критика масонских обычаев была представлена в комедии «Игроки» (героям которой, по их словам, «знакомы высшие тайны» — 3/4: 377) [Виноградов, 2020b]; в драматическом «Отрывке» (героиня которого замечает: «Все это масонские правила» — 3/4: 674)

[Виноградов, 2021a: 389–390]; в рецензии на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины мира» (предназначавшейся для помещения в пушкинском «Современнике») [Виноградов, 2021a: 232]; во втором томе «Мертвых душ» (в образе организатора филантропического общества «плута, и масона, и карточного игрока» (5: 388); с этим мошенником-масоном связался юный помещик Тентетников, будучи, подобно герою ранней повести, Петру Безродному, «обольщен и сманен другими» — 5: 362). Обличение масонства содержится также в «Ревизоре», заключающем в себе критику масонских пророчеств о конце свете в 1836 г. — в год издания комедии [Виноградов, 2019b] (этому же служит в пьесе образ лицемерного судьи Ляпкина-Тяпкина, вольнодумно размышляющего о сотворении мира и обнаруживающего знакомство с масонской литературой: «Вперед пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге “Деяния Иоанна Масона”...» — 3/4: 230). Соответствующий обличительный характер получило отражение масонского обряда и в «Бисаврюке...». Об обряде, имитирующем убийство, Гоголь мог знать либо из тогдашней антимасонской литературы (из той же книги аббата О. Баррюэля, изданной в русском переводе в 1806–1808 гг.; [Баррюэль]), либо из рассказов своих школьных товарищей. В годы обучения Гоголя в Гимназии высших наук в Нежине в 1820-х гг. отдельная группа вольнодумных профессоров вербовала себе из учеников членов ложи [Виноградов. Летопись; т. 1: 528]. Использование нефольклорных источников в произведении с фольклорной основой Гоголь продолжил в «Вии», где, как и в «Вечере накануне Ивана Купала», в изображение ужасов были положены не народные предания, а реалии новейшей эпохи — впечатления от посещения Петербургской кунсткамеры (ее экспонаты стали прообразами «гномов» «Вия») [Виноградов, 2018b: 105–107].

Как уже говорилось, христианский, духовно-обличительный замысел первой повести Гоголя, — как и других повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки», — не был замечен ни современниками, ни последующими исследователями. Общим местом толкований гоголевского творчества стало навязанное в 1847 г. радикальным критиком В. Г. Белинским представле-

ние, будто христианское начало определяет лишь поздние произведения писателя. При этом сам Белинский еще в 1842 г. с неодобрением упоминал о «Вечере накануне Ивана Купала» в числе произведений, которые в *наименьшей* степени укладывались в схему его радикальных интерпретаций, — «Страшная месть», «Портрет», «Рим» [Белинский; т. 5: 154].

Не останавливало Белинского и то, что в основу сюжетов ранних повестей Гоголя — «Страшной мести», «Вечера накануне Ивана Купала», не «одобренных» критиком, — были положены народные легенды и предания. Принципиальный характер идейных расхождений Гоголя и западника Белинского заключался в том, что и в этом отношении — в изучении народного сознания и мирозерцания — первые повести Гоголя тоже предопределяли и «предсказывали» его дальнейшее развитие: с первых шагов в литературе Гоголь — убежденный «народник», занимающий последовательно антизападническую, славянофильскую позицию. Напротив, по словам историка Н. П. Барсукова, западники того времени «с неистовою ненавистью относились <...> ко всему, что носило печать Русского направления и “Русской Народности”»: «К песням и преданиям русского народа западники относились также отрицательно. Если под влиянием Запада и признавалось уже некоторыми научное значение народных преданий и песен, то в художественном отношении они представлялись, тем не менее, образованному большинству едва ли заслуживающими уважения» [Барсуков: 60–61]. Белинский, к примеру, в рецензии на украинский сборник «Ластовка» (1841), а также в одной из четырех статей о народной поэзии (3-я статья; Отечественные Записки. 1841. № 11) прямо отрицал, вопреки утверждениям самого Гоголя [Виноградов, 2009: 421–429], значение украинской народной поэзии для создания литературных произведений — и потому ставил, к примеру, гоголевского «Тараса Бульбу» (повесть, к которой критик тоже относился весьма противоречиво) в исключительную зависимость от своеобразия украинской истории как таковой, а также от развития на русской почве западноевропейских начал [Белинский; т. 4: 163]. Возражая западникам, на чрезвычайную важность для наследия отечественной словесности народного творчества, в частности, русских и украинских песен указывали современники — единомышленники Гоголя:

П. В. Киреевский, М. А. Максимович, О. М. Бодянский, А. С. Хомяков, граф А. К. Толстой и др. [Виноградов, 2010].

И все-таки, хотя сторонники у Гоголя среди современников были, следует с всей определенностью подчеркнуть, что, несмотря на это, подлинного понимания гоголевских ранних произведений, — не только их открытого «народничества», но и заключенной в них глубокой христианской, не менее «народной» мысли, — не было. Даже приятели-славянофилы, к примеру, отец и сыновья Аксаковы, не допускали, что к «соединению» «христианства и художества» Гоголь приступил с самых первых своих произведений. С. Т. Аксакову сам Гоголь 18 августа (н. ст.) 1842 г. писал по поводу своего предполагаемого паломничества к Святым Местам:

«Признайтесь, вам странно показалось, когда я в первый раз объявил вам о таком намерении? <...> Человеку, не носящему ни клобука, ни митры, смешившему и смешавшему людей <...> не правда ли, странно предпринять такое путешествие?» (12: 112).

Даже близким друзьям Гоголя (не говоря уже о Белинском) религиозная настроенность писателя всегда казалась «лишней», «мешающей» в деле «художества». 20 мая (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал об С. Т. и К. С. Аксаковых:

«Почувствовать, что всё, совершающееся в нас, совершается не без воли Божией и что событие, во мне случившееся, случилось не во вред искусству, но к возвышению искусства, почувствовать этого из них никто не в силах, ни отец, ни сын...» (14: 279–280; письмо к А. О. Смирновой).

Даже наиболее доброжелательный из всех Аксаковых в отношении к Гоголю И. С. Аксаков полагал, однако, что только второй том поэмы может решить эту задачу, «которой не разрешили все 1847 лет христианства» [Виноградов, 2018b: 15–16]. Эффектное преувеличение невольно *перечеркивало* реальный вклад Гоголя-художника — во всех его произведениях, включая ранние, — в развитие русской словесности как явления христианской культуры.

Уже в первом напечатанном прозаическом произведении Гоголя — «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» — писатель, скрыв свое авторство под именем простодушного дьячка-рассказчика, заявил о себе как о носителе народно-

церковного мировоззрения. Отделяя себя от «детских пред-
рассудков» и суеверий (7: 162), он сосредоточил свой талант
на обличении этих явлений, восходящих к «покоренному»
христианством язычеству. Будучи верным этнографом, глу-
боким знатоком народной психологии и целого комплекса
фольклорных обычаев и обрядов, Гоголь с первых шагов
в литературе, предстал, вопреки позднейшим истолкованиям
его творчества в радикальной критике, не только оригиналь-
ным бытописателем, но и пронизательным богословом и про-
поведником.

Список литературы

1. <Бантыш-Каменский Д. Н.> История Малой России со времен присоеди-
нения оной к Российскому Государству при Царе Алексее Михай-
ловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М.:
В Тип. Семена Селивановского, 1822. Ч. 2. 324 с.
2. <Бантыш-Каменский Д. Н.> История Малой России. Со времен присое-
динения сей страны к Российскому Государству до избрания в Гетманы
Мазепы. М.: В Тип. Семена Селивановского, 1830. Ч. 2. 223 + 62 с.
3. <Баррюэль О., аббат>. Записки о якобинцах, открывающие все про-
тивухристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих
влияние на все европейские державы: в 6 ч. / пер. с фр. М.: В Универ-
ситетской Тип., 1806. Ч. 3. 144 с.
4. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. СПб.: Тип.
М. М. Стасюлевича, 1897. Т. 11. 560 с.
5. Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1979. Т. 4–5. 631 + 654 с.
6. Бобрехин А. А. Вклад П. П. Бажова в формирование уральской иден-
тичности // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 2 (4).
С. 46–48.
7. <Бошняк А. К., Свиньин П. П.> Ягуб Скупалов, или Исправленный
муж. Нравственно-Сатирический Роман современных нравов: в 4 ч.
М.: В тип. С. Селивановского, 1830. 146 + 146 + 123 + 127 с.
8. Виноградов Г. С., Степанов Н. Л. Вечер накануне Ивана Купала. <Ком-
ментарий> // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> <Л.>: АН СССР,
1940. Т. 1 / тексты и коммент. подгот. И. Я. Айзеншток, Н. П. Андреев,
А. И. Белецкий, Г. С. Виноградов, В. В. Гиппиус, М. К. Клеман, Н. К. Пик-
санов, Н. Л. Степанов, П. Т. Щипунов. С. 521–528.
9. Виноградов И. А. Сказки Николая Гоголя // Гоголь Н. В. Вечера на
хуторе близ Диканьки / вступ. ст. И. А. Виноградова; сост. и коммент.
В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Синергия, 1998. С. 5–48. (Серия
«Новая школьная библиотека».)
10. Виноградов И. А. Комментарий // Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы,
прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический

- комментарий / изд. подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 385–656.
11. Виноградов И. А. Народная песня в творчестве Гоголя // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2010. Т. 17. С. 679–706.
 12. Виноградов И. А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: из истории образования в России. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.
 13. Виноградов И. А. Видимое и сокровенное в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Россия в русской литературе: сказка и быль (перспективы изучения и преподавания). Материалы XXVII Всероссийской научно-практической конференции «Филология и школа», проведенной Институтом мировой литературы имени Горького и Московским городским Домом учителя / Департамент образования г. Москвы; ГБУ г. Москвы «Московский городской Дом учителя». Отв. ред. Н. Г. Минько; сост. Л. А. Черниченко. М.: Московский городской Дом учителя, 2016. С. 62–68.
 14. Виноградов И. А. Блаженны миротворцы: от повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 4. С. 51–67.
 15. Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018. Т. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 с.
 16. Виноградов И. А. Монолог Гоголя в многоголосье «Женитьбы» // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 66–102 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1522936229.pdf (10.09.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2018.4781 (a)
 17. Виноградов И. А. Страсти по Гоголю. О духовном наследии писателя. М.: Вече, 2018. 320 с. (b)
 18. Виноградов И. А. Образ монарха-наставника в творчестве Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 111–134 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562595168.pdf (10.09.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6202 (a)
 19. Виноградов И. А. Эсхатология комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 68–90 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1571049477.pdf (10.09.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.5801 (b)
 20. Виноградов И. А. Психологизм Н. В. Гоголя // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 6–73 [Электронный ресурс]. URL: http://rusklassika.ru/images/2020-4/1___.pdf (10.09.2021). DOI: 10.22455/2686-7494-2020-2-4-6-73 (a)
 21. Виноградов И. А. Религиозный замысел комедии Н. В. Гоголя «Игроки» // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность / отв. ред. М. И. Щербакова, В. Г. Андреева. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Вып. 2.

С. 126–158. (b)

22. Виноградов И. А. Н. В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 864 с. DOI: 10.22455/978-5-9208-0659-8 (a)
23. Виноградов И. А. «Девтеро-гоголевское»: Н. В. Гоголь, О. М. Сомов и история двух статей в «Северной Пчеле» // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 196–219 [Электронный ресурс]. URL: http://litfact.ru/images/2021-21/06_Vinogradov.pdf. (10.09.2021). DOI: 10.22455/2541-8297-2021-21-196-219 (b)
24. Виноградов И. А. «Арабески» Н. В. Гоголя: единство композиции и проблематики цикла // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 4. С. 234–304 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1638428214.pdf (10.09.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.10262 (c)
25. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Иван Купала // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 363–368.
26. Витберг Ф. Гоголь как историк // Исторический Вестник. 1892. № 8. С. 390–423.
27. Гиппиус В. В. Гоголь. Л.: Мысль, 1924. 239 с.
28. <Гоголь Н. В.> Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви // Отечественные Записки. 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 238–264. (a)
29. <Гоголь Н. В.> Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви. (Окончание) // Отечественные Записки. 1830. Ч. 41. Март. № 119. С. 421–442. (b)
30. <Гоголь Н. В.> Вечер накануне Ивана Купала. Быль, рассказанная дьячком ***ской церкви // <Гоголь Н. В.> Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. СПб.: В Типограф<ии> Депар<тамент> Народ<ного> Просвещения, 1831. Первая книжка. С. 77–125.
31. <Гоголь Н. В.> Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Издание второе. СПб.: Печатано в типографии Департамента Внешней Торговли, 1836. Часть первая. 203 с.
32. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1940. Т. 1 / тексты и коммент. подгот. И. Я. Айзеншток, Н. П. Андреев, А. И. Белецкий, Г. С. Виноградов, В. В. Гиппиус, М. К. Клеман, Н. К. Пиксанов, Н. Л. Степанов, П. Т. Щипунов. 556 с.
33. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 1–17. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 с.
34. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-крити-

- ческое издание: в 3 т. / изд. подгот. И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Т. 2. 1031 с.
35. Грицко-Основьяненко <Г. Ф.> Знахарь. (Посвящается А. П. Башуцко-му) // Наши, списанные с натуры русскими. Издание Я. А. Исакова. СПб.: Типография Journal de Saint-Petersbourg, 1841. С. 123–154.
 36. Еремина В. И. Н. В. Гоголь // Русская литература и фольклор (первая половина XIX века). Л.: Наука, 1976. С. 249–291.
 37. Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд., доп. М.: Типография Грачева и Комп., 1869. 300 с.
 38. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни / подгот. текста и примеч. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой и Т. Ф. Нешумовой. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 752 с.
 39. Дмитриева Е. Е. Вечер накануне Ивана Купала. <Комментарий> // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наследие, 2001. Т. 1 / тексты и коммент. подгот. И. Ю. Винницкий, Е. Е. Дмитриева, Ю. В. Манн, К. Ю. Рогов. С. 710–730.
 40. К-й О. Р. Из народных рассказов о кладе // Киевская Старина. 1884. № 11. С. 545–550.
 41. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Голики и А. Вильворг, 1903. 530 с.
 42. Мочульский В. Н. Малороссийские и петербургские повести Н. В. Гоголя. (К истории художественного творчества). Одесса: «Экономическая» типография, 1902. 20 с.
 43. <Надеждин Н. И.> Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Первая Книжка. СПб. В типогр<афии> Департ<амента> Нар<одного> Просв<ещения>. 1831 // Телескоп. 1831. Ч. 5. № 20. С. 558–563.
 44. Надеждин <Н. И.> Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. Ч. 31. № 1. С. 5–60; № 2. С. 203–264.
 45. Один из предметов старинного малороссийского щегольства // Киевская Старина. 1891. № 9. С. 484–486.
 46. <Полевой Н. А.> Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Книжка первая. СПб. В т<ипографии> Деп<артамента> Народн<ого> Просв<ещения>. 1831 // Московский телеграф. 1841. Ч. 41. № 17. Сентябрь. С. 91–95.
 47. <Сахаров И. П.> Сказания Русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. Сахаровым. СПб.: В Гуттенбергновой типографии, 1836. Ч. 1. 201 с.
 48. <Свиньин П. П.> Предисловие // Отечественные Записки. 1818. <№ 1>. С. 1–4.
 49. <Свиньин П. П.> Издат<ель>. Нет сомнения, что *Бригадир* и *Недоросль* Фон-Визина... <Предисловие к публикации: <Бошняк А. К., Свиньин П. П.> Торжество воспитания. Быль> // Отечественные Записки. 1821. Ч. 5. С. 40–44.
 50. Соколов Б. М. Гоголь-этнограф. (Интересы и занятия Н. В. Гоголя этнографией). М.: Типография Императорского Московского Уни-

верситета, 1910. 61 с.

51. Соколовская Т. О. Иоаннов день — масонский праздник // *Море*. 1906. № 23–24. С. 846–863.
52. <Сомов О. М.> Русалка. Малороссийское предание // *Подснежник*. СПб.: В Типографии Департамента Внешней Торговли, 1829. С. 59–84.
53. Сомов О. М. Обзорение Российской Словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года // *Северные Цветы на 1831 год*. СПб.: В Типографии Департамента Народного Просвещения, 1830. С. 1–100.
54. <Сомов О. М.> Никита Луговой. Письмо к издателю Литературных Прибавлений, о Вечерах на хуторе близ Диканьки, о критике на них Г. Полевого и о прочем // *Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду*. 1831. 25 ноября. № 94. С. 737–739.
55. Степанов А. Н. Гоголь в «Отечественных записках» (1830) // *Труды Отдела новой русской литературы. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН*. 1957. № 1. С. 46–79.
56. <Стороженко А. Я.> Андрий Царынный. Мысли Малороссиянина, по прочтении Повестей Пасичника Рудаго-Панька, изданных им в книжке под заглавием: Вечера на хуторе близ Диканьки, и рецензий на оные. (Продолжение) // *Сын Отечества*. 1832. № 4. С. 225–242.
57. <Тик Л.> Колдовство. Повесть сочинения Тика / пер. с нем<ецкого> В. Тило // *Славянин, Военно-Литературный журнал, издаваемый А. Войковым*. СПб.: Печатано в Типографии Имп. Российской Академии, 1827. Ч. 3. № 35. С. 331–350; № 36. С. 370–388.
58. <Тик Л.> Чары любви. (Повесть Тика) // *Галатей, журнал литературы, новостей и мод, издаваемый Раичем*. М.: В Тип. Армянского Института Господ Лазаревых, 1830. Ч. XII. № 10. С. 157–185; № 11. С. 217–240.
59. <Тихон Задонский, свт.> Преосвященный Тихон I, Епископ Воронежский и Елецкий. М.: В типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1844. 141 с.
60. Тихонравов Н. С. Примечания редактора и варианты // <Гоголь Н. В.> *Соч. Н. В. Гоголя: в 7 т. / текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым*. 10-е изд. М.: Изд. книжн<ого> маг<азина> В. Думнова, под фирмою «Наследники бр. Салаевых», 1889. Т. 1. С. 505–709.
61. Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Памяти Гоголя: научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца / под ред. Н. П. Дашкевича. (Чтения в Историческом Обществе Нестора-Летописца. Кн. XVI.) Киев: Тип. Р. К. Лубковского, 1902 <1903>. Отд. 3. С. 3–71.*
62. <Чулков М. Д.> АБеВеГа Русских Суеверий, Идолопоклоннических Жертвоприношений, Свадебных простонародных обрядов, Колдовства, Шеманства и проч., сочиненная М. Ч. М.: В Тип. у содержателя Ф. Гиппиуса, 1786. 326 с.
63. Шаровольский И. В. Юношеская идиллия Гоголя // *Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом*

- Нестора-летописца, под ред. Н. П. Дашкевича. (Чтения в Историческом Обществе Нестора-Летописца. Кн. XVI.) Киев: Типография П. К. Лубковского, 1902 <1903>. Отд. 2. С. 13–52.
64. Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя: в 4 т. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^а, 1892. Т. 1. 386 с.
65. Шкаровский М. В., Казакевич А. Н. Гитлер... // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. Т. 11. С. 523–528.
66. Янушкевич А. С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. 523 с.

References

1. Bantysh-Kamenskiy D. N. *Istoriya Maloy Rossii so vremen prisoedineniya onoy k Rossiyskomu Gosudarstvu pri Tsare Aleksee Mikhayloviche, s kratkim obozreniem pervobytnogo sostoyaniya sego kraya* [History of Little Russia Since its Accession to the Russian State Under Tsar Alexei Mikhailovich, with a Brief Overview of the Primitive State of this Region]. Moscow, V Tipografii Semena Selivanovskogo Publ., 1822, part 2. 324 p. (In Russ.)
2. Bantysh-Kamenskiy D. N. *Istoriya Maloy Rossii. So vremen prisoedineniya sey strany k Rossiyskomu Gosudarstvu do izbraniya v Getmany Mazepy* [History of Little Russia. From the Time of the Accession of this Country to the Russian State Until the Election to the Hetmans of Mazepa]. Moscow, V Tipografii Semena Selivanovskogo Publ., 1830, part 2. 223 + 62 p. (In Russ.)
3. Barruel Augustin, Abbot. *Zapiski o yakobintsakh, otkryvayushchie vse protivukhristianskie zloumyshleniya i tainstva masonskikh lozh, imeyushchikh vliyaniye na vse evropeyskie derzhavy: v 6 chastyakh* [Notes on the Jacobins, Revealing All Anti-Christian Malice and Mysteries of Masonic Lodges that Have an Impact on All European Powers: in 6 Parts]. Moscow, V Universitetskoy Tipografii Publ., 1806, part 3. 144 p. (In Russ.)
4. Barsukov N. P. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina: v 22 knigakh* [Life and Works of M. P. Pogodin: in 22 Books]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1897, vol. 11. 560 p. (In Russ.)
5. Belinskiy V. G. *Sobranie sochineniy: v 9 tomakh* [Collected Works: in 9 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1979, vol. 4–5. 631 + 654 p. (In Russ.)
6. Bobrikhin A. A. Contribution of P. P. Bazhov to the Formation of the Ural Identity. In: *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya* [A New Word in Science: Development Prospects], 2015, no. 2 (4), pp. 46–48. (In Russ.)
7. Boshnyak A. K., Svin'in P. P. *Yagub Skupalov, ili Ispravlennyy muzh. Nravstvenno-Satiricheskiy Roman sovremennykh нравов: v 4 chastyakh* [Yagub Skupalov, or the Corrected Husband. Moral-Satirical Novel of Modern Morals: in 4 Parts]. Moscow, V tipografii S. Selivanovskogo Publ., 1830. 146 + 146 + 123 + 127 p. (In Russ.)
8. Vinogradov G. S., Stepanov N. L. The Evening on the Eve of Ivan Kupala. A Comment. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh*

- [Gogol N. V. *Complete Works: in 14 Vols*]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940, vol. 1, pp. 521–528. (In Russ.)
9. Vinogradov I. A. The Tales of Nikolai Gogol. In: *Gogol' N. V. Vechera na khutore bliz Dikan'ki* [Gogol N. V. *Evenings on a Farm Near Dikanka*]. Moscow, Sinergiya Publ., 1998, pp. 5–48. (Series “New School Library”). (In Russ.)
 10. Vinogradov I. A. A Comment. In: *Gogol' N. V. Taras Bul'ba. Avtografy, prizhiznennyye izdaniya. Istoriko-literaturnyy i tekstologicheskii kommentariy* [Gogol N. V. *Taras Bulba. Autographs, Lifetime Editions. Historical, Literary and Textual Commentary*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, pp. 385–656. (In Russ.)
 11. Vinogradov I. A. Folk Song in the Works of Gogol. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh* [Gogol N. V. *The Complete Works and Letters: in 17 Vols*]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2010, vol. 17, pp. 679–706. (In Russ.)
 12. Vinogradov I. A. *Gogol' v Nezhinskoj gimnazii vysshikh nauk: iz istorii obrazovaniya v Rossii. Nauchnoe izdanie* [Gogol in the Nezhin High School: From the History of Education in Russia. Scientific Publication]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)
 13. Vinogradov I. A. Visible and Intimate in the “Evenings on a Farm near Dikanka” by N. V. Gogol. In: *Rossiya v russkoj literature: skazka i byl' (perspektivy izucheniya i prepodavaniya). Materialy XXVII Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii «Filologiya i shkola», provedennoy Institutom mirovoj literatury imeni Gor'kogo i Moskovskim gorodskim Domom uchitel'ya* [Russia in Russian Literature: Fairy Tale and Real Life (Prospects for Study and Teaching). Materials of the 27th All-Russian Scientific and Practical Conference “Philology and School”, Held by the Gorky Institute of World Literature and the Moscow City Teacher’s House]. Moscow, Moskovskiy gorodskoy Dom uchitel'ya Publ., 2016, pp. 62–68. (In Russ.)
 14. Vinogradov I. A. Blessed Are the Peacemakers. From the Short Novel of the Two Ivans to the Idea of “Dead Souls” (The Continuation). In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [MSU Vestnik. Series 9: Philology], 2017, no. 4, pp. 51–67. (In Russ.)
 15. Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852). S rodoslovnoy letopis'yu (1405–1808): v 7 tomakh* [Chronicle of Life and Works of N. V. Gogol (1809–1852). With a Genealogical Chronicle (1405–1808): in 7 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2017–2018, vol. 1–7. 736 + 672 + 672 + 704 + 928 + 656 + 640 p. (In Russ.)
 16. Vinogradov I. A. The Monologue of N. V. Gogol in the Polyphony of “Marriage”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2018, vol. 16, no. 1, pp. 66–102. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1522936229.pdf (accessed on September 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2018.4781 (In Russ.) (a)

17. Vinogradov I. A. *Strasti po Gogolyu. O dukhovnom nasledii pisatelya. Nauchno-populyarnoe izdanie [Passion for Gogol. About the Spiritual Heritage of the Writer. Popular Science Edition]*. Moscow, Veche Publ., 2018. 320 p. (In Russ.) (b)
18. Vinogradov I. A. The Image of the Monarch-Mentor in the Works of N. V. Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 111–134. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562595168.pdf (accessed on September 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6202 (In Russ.) (a)
19. Vinogradov I. A. Eschatology of the Comedy “The Government Inspector” by N. V. Gogol. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 68–90. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1571049477.pdf (accessed on September 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.5801 (In Russ.) (b)
20. Vinogradov I. A. Psychology of Nikolai Gogol. In: *Dva veka russkoy klassiki [Two Centuries of the Russian Classics]*, 2020, vol. 2, no. 4, pp. 6–73. Available at: http://rusklassika.ru/images/2020-4/1___.pdf (accessed on September 10, 2021). DOI: 10.22455/2686-7494-2020-2-4-6-73 (In Russ.) (a)
21. Vinogradov I. A. The Religious Concept of the Comedy by N. V. Gogol “The Gamblers”. In: *Literaturnyy protsess v Rossii XVIII–XIX vv. Svetskaya i dukhovnaya slovesnost’ [The Literary Process in Russia in the 18th — 19th Centuries. Secular and Spiritual Literature]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2020, issue 2, pp. 126–158. (In Russ.) (b)
22. Vinogradov I. A. N. V. Gogol’ i tsenzura. *Vzaimootnosheniya khudozhnika i vlasti kak klyuchevaya problema gogolevskogo naslediya [N. V. Gogol and Censorship. The Relationship of the Artist and the Authorities as Key Problem of Gogol’s Heritage]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 864 p. DOI: 10.22455/978-5-9208-0659-8 (In Russ.) (a)
23. Vinogradov I. A. “Deutero-Deutero-Gogol’s”: N. V. Gogol, O. M. Somov and the History of Two Articles in the “Northern Bee”. In: *Literaturnyy fakt [Literary Fact]*, 2021, no. 3 (21), pp. 196–219. Available at: http://litfact.ru/images/2021-21/06_Vinogradov.pdf (accessed on September 10, 2021). DOI: 10.22455/2541-8297-2021-21-196-219 (In Russ.) (b)
24. Vinogradov I. A. The “Arabesques” Cycle by N. V. Gogol: Unity of Composition and Problems. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 234–304. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1638428214.pdf (accessed on September 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.10262 (In Russ.) (c)
25. Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. Ivan Kupala. In: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar’: v 5 tomakh [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, pp. 363–368. (In Russ.)
26. Vitberg F. Gogol as a Historian. In: *Istoricheskiy Vestnik*, 1892, no. 8, pp. 390–423. (In Russ.)

27. Gippius V. V. *Gogol*. Leningrad, Mysl' Publ., 1924. 239 p. (In Russ.)
28. Gogol' N. V. Bisavryuk, or The Evening on the Eve of Ivan Kupala. Little Russian Short Novel (from Folk Tradition), Narrated by the Clerk of the Intercession Church. In: *Otechestvennyye Zapiski*, 1830, part 41, February, no. 118, pp. 238–264. (In Russ.) (a)
29. Gogol' N. V. Bisavryuk, or The Evening on the Eve of Ivan Kupala. Little Russian Short Novel (from Folk Tradition), Narrated by the Clerk of the Intercession Church. (The Ending). In: *Otechestvennyye Zapiski*, 1830, part 41, March, no. 119, pp. 421–442. (In Russ.) (b)
30. Gogol N. V. The Evening on the Eve of Ivan Kupala. The Story Told by the Deacon of the *** Church. In: *Gogol' N. V. Vechera na khutore bliz Dikan'ki. Povesti, izdannyye Pasichnikom Rudym Pan'kom* [Gogol N. V. *Evenings on a Farm near Dikanka. Short Novels Published by Pasichnik (Beekeeper) Rudy Panko*]. St. Petersburg, V Tipografii Departamenta Narodnogo Prosveshcheniya Publ., 1831, first book, pp. 77–125. (In Russ.)
31. *Gogol' N. V. Vechera na khutore bliz Dikan'ki. Povesti, izdannyye Pasichnikom Rudym Pan'kom* [Gogol N. V. *Evenings on a Farm near Dikanka. Short Novels Published by Pasichnik (Beekeeper) Rudy Panko*]. St. Petersburg, V Tipografii Departamenta Vneshney Torgovli Publ., 1836, part 1. 203 p. (In Russ.)
32. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 tomakh* [The Complete Works: in 14 Vols]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1940, vol. 1. 556 p. (In Russ.)
33. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [The Complete Works and Letters: in 17 Vols (15 Books)]. Moscow, Kiev, Moskovskaya Patriarkhiya Publ., 2009–2010, vol. 1–17. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 + 816 + 936 p. (In Russ.)
34. *Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyy sistematicheskii svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie: v 3 tomakh* [Gogol in Memoirs, Diaries, Letters of His Contemporaries. The Complete Digest of Documentary Records. Scientific Critical Edition: in 3 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012, vol 2. 1031 p. (In Russ.)
35. Gritsko-Osnov'yanenko G. F. Witch Doctor. (Dedicated to A. P. Bashutsky). In: *Nashi, spisannyye s natury russkimi* [Ours, Written off from Nature by the Russians], edition by Ya. A. Isakov. St. Petersburg, Tipografiya Journal de Saint-Petersbourg Publ., 1841, pp. 123–154. (In Russ.)
36. Eremina V. I. N. V. Gogol. In: *Russkaya literatura i fol'klor (pervaya polovina XIX veka)* [Russian Literature and Folklore (First Half of the 19th Century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 249–291. (In Russ.)
37. Dmitriev M. A. *Melochi iz zapasa moey pamyati* [Little Things from my Memory]. Moscow, Tipografiya Gracheva i K^o Publ., 1869. 300 p. (In Russ.)
38. Dmitriev M. A. *Glavy iz vospominaniy moey zhizni* [Chapters from the Memories of my Life]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 752 p. (In Russ.)

39. Dmitrieva E. E. The Evening on the Eve of Ivan Kupala. A Comment. In: *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 tomakh* [Gogol N. V. *The Complete Works and Letters: in 23 Vols*]. Moscow, Nauka Publ., 2001, vol. 1, pp. 710–730. (In Russ.)
40. K–y O. R. From Folk Stories About the Treasure. In: *Kievskaya Starina*, 1884, no. 11, pp. 545–550. (In Russ.)
41. Maksimov S. V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [Unclean, Unknown and the Power of the Cross]. St. Petersburg, Tovarishchestvo R. Goliki i A. Vil'vorg Publ., 1903. 530 p. (In Russ.)
42. Mochul'skiy V. N. *Malorossiyskie i peterburgskie povesti N. V. Gogolya. (K istorii khudozhestvennogo tvorchestva)* [Little Russian and St. Petersburg Short Novels by N. V. Gogol. (To the History of Artistic Works)]. Odessa, "Ekonomicheskaya" tipografiya Publ., 1902. 20 p. (In Russ.)
43. Nadezhdin N. I. Evenings on a Farm near Dikanka. Short Novels Published by Pasichnik (Beekeeper) Rudy Panko. First Book. St. Petersburg, v tipografii Departamenta Narodnogo Prosveshcheniya Publ., 1831. In: *Teleskop*, 1831, part 5, no. 20, pp. 558–563. (In Russ.)
44. Nadezhdin N. I. Europeanism and Nationality in Relation to Russian Literature (the End). In: *Teleskop*, 1836, part 31, no. 1, pp. 5–60; no. 2, pp. 203–264. (In Russ.)
45. One of the Items of Old Little Russian Panache. In: *Kievskaya Starina*, 1891, no. 9, pp. 484–486. (In Russ.)
46. Polevoy N. A. Evenings on a Farm near Dikanka. Short Novels Published by Pasichnik (Beekeeper) Rudy Panko. First Book. St. Petersburg, v tipografii Departamenta Narodnogo Prosveshcheniya Publ., 1831, 241 p. In: *Moskovskiy telegraf*, 1841, part 41, no. 17, September, pp. 91–95. (In Russ.)
47. Sakharov I. P. *Skazaniya Russkogo naroda o semeynoy zhizni svoikh predkov, sobrannye I. Sakharovym* [Legends of the Russian People About the Family Life of their Ancestors, Collected by I. Sakharov]. St. Petersburg, V Guttenbergnovoy tipografii Publ., 1836, part 1. 201 p. (In Russ.)
48. Svin'in P. P. Foreword. In: *Otechestvennyye Zapiski*, 1818, no. 1, pp. 1–4. (In Russ.)
49. Svin'in P. P. Publisher. There Is no Doubt that the Brigadier and the Minor of Fon-Vizin... Preface to the Publication: Boshnyak A. K., Svinin P. P. The Triumph of Education. True Story. In: *Otechestvennyye Zapiski*, 1821, part 5, pp. 40–44. (In Russ.)
50. Sokolov B. M. *Gogol'-etnograf. (Interesy i zanyatiya N. V. Gogolya etnografiy)* [Gogol the Ethnographer. (Interests and Occupations of N. V. Gogol in Ethnography)]. Moscow, Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta Publ., 1910. 61 p. (In Russ.)
51. Sokolovskaya T. O. St. John's Day Is a Masonic Holiday. In: *More*, 1906, no. 23–24, pp. 846–863. (In Russ.)
52. Somov O. M. Mermaid. Little Russian Legend. In: *Podsnezhnik*. St. Petersburg, V Tipografii Departamenta Vneshney Torgovli Publ., 1829, pp. 59–84. (In Russ.)

53. Somov O. M. Review of Russian Literature for the Second Half of 1829 and the First of 1830. In: *Severnnye Tsvety na 1831 god [Northern Flowers of 1831]*. St. Petersburg, V Tipografii Departamenta Narodnogo Prosveshcheniya Publ., 1830, pp. 1–100. (In Russ.)
54. Somov O. M. Nikita Lugovoy. A letter to the Publisher of Literary Additions, About the Evenings on a Farm near Dikanka, About G. Polevoy's Criticism of Them, and About Other Things. In: *Literaturnye Pribavleniya k Russkomu Invalidu*, 1831, November 25, no. 94, pp. 737–739. (In Russ.)
55. Stepanov A. N. Gogol in "Notes of the Fatherland" (1830). In: *Trudy Otdela novoy russkoy literatury. Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Department of the Modern Russian Literature. Institute of Russian Literature of the Pushkin House of the Russian Academy of Sciences]*, 1957, no. 1, pp. 46–79. (In Russ.)
56. Storozhenko A. Ya. Thoughts of the Little Russian, After Reading the Short Novels of Pasichnik (Beekeeper) Rudy Panko, Published by him in a Book Under the Title: Evenings on a Farm Near Dikanka, and Reviews of These. (Continuation). In: *Syn Otechestva*, 1832, no. 4, pp. 225–242. (In Russ.)
57. Tik L. Witchcraft. The Short Novel of Tik's Composition. In: *Slavyanin, voenno-literaturnyy zhurnal, izdavaemyy A. Voeykovym [Slavyanin, a Military-literary Journal Published by A. Voeikov]*. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Rossiyskoy Akademii Publ., 1827, part 3, no. 35, pp. 331–350; no. 36, pp. 370–388. (In Russ.)
58. Tik L. The Charm of Love. (Tik's Short Novel). In: *Galateya, zhurnal literatury, novostey i mod, izdavaemyy Raichem [Galatea, a Journal of Literature, News and Fashion Published by Raich]*. Moscow, V Tipografii Armyanskogo Instituta Gospod Lazarevykh Publ., 1830, part 12, no. 10, pp. 157–185; no. 11, pp. 217–240. (In Russ.)
59. Tikhon Zadonskiy, Saint. *Preosvyashchennyy Tikhon I, Episkop Voronezhskiy i Eletskiy [Right Reverend Tikhon I, Bishop of Voronezh and Elets]*. Moscow, V Tipografii Avgusta Semena, pri Imperatorskoy Mediko-Khirurgicheskoy Akademii Publ., 1844. 141 p. (In Russ.)
60. Tikhonravov N. S. Editor's Notes and Options. In: *Gogol' N. V. Sochineniya N. V. Gogolya: v 7 tomakh [Gogol N. V. Works of N. V. Gogol: in 7 Vols]*. Moscow, Knizhnyy magazin V. Dumnova, pod firmoyu «Nasledniki brat'ev Salaevykh» Publ., 1889, vol. 1, pp. 505–709. (In Russ.)
61. Chagovets V. A. The Gogol Family Chronicle (Based on Family Archive Papers). In: *Pamyati Gogolya: nauchno-literaturnyy sbornik, izdannyy Istoricheskim Obshchestvom Nestora-letopistsa. (Chteniya v Istoricheskom Obshchestve Nestora-Letopistsa. Kniga XVI) [In Memory of Gogol: Scientific and Literary Collection Published by the Historical Society of Nestor the Chronicler. (Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler. Book 16)]*. Kiev, Tipografiya R. K. Lubkovskogo Publ., 1902 (1903), section 3, pp. 3–71. (In Russ.)
62. Chulkov M. D. *ABeVeGa Russkikh Sueveriy, Idolopoklonnicheskikh Zhertvoprinosheniy, Svadebnykh prostonarodnykh obryadov, Koldovstva,*

- Shemanstva i prochee, sochinennaya M. Ch.* [AbeVeGa of Russian Superstitions, Idolatrous Sacrifices, Wedding Rites of the People, Witchcraft, Shemanship and Others, Composed by M. Ch.]. Moscow, V Tipografii u sodержatelya F. Gippiusa Publ., 1786. 326 p. (In Russ.)
63. Sharovol'skiy I. V. Youthful Idyll of Gogol. In: *Pamyati Gogolya. Nauchno-literaturnyy sbornik, izdannyy Istoricheskim Obshchestvom Nestora-letopistsa, pod redaktsiey N. P. Dashkevicha.* (Chteniya v Istoricheskom Obshchestve Nestora-Letopistsa. Kniga XVI.) [In Memory of Gogol. Scientific and Literary Collection Published by the Historical Society of Nestor the Chronicler, Edited by N. P. Dashkevich. (Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler. Book XVI.)] Kiev, Tipografiya R. K. Lubkovskogo Publ. 1902 [1903], section 2, pp. 13–52. (In Russ.)
64. Shenrok V. I. *Materialy dlya biografii Gogolya: v 4 tomakh* [Materials for the Biography of Gogol: in 4 Vols]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i K^o Publ., 1892, vol. 1. 386 p. (In Russ.)
65. Shkarovskiy M. V., Kazakevich A. N. Gitler... In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-Nauchnyy Tsentr «Pravoslavnyaya entsiklopediya» Publ., 2006, vol. 11, pp. 523–528. (In Russ.)
66. Yanushkevich A. S. *V mire Zhukovskogo* [In the World of Zhukovsky]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 523 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Игорь Алексеевич, Igor' A. Vinogradov, PhD (Philology), доктор филологических наук, главный научный сотрудник, ФГБУН Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (ул. Поварская, 25а, г. Москва, Российская Федерация, 121069); ORCID: 0000-0002-9151-4554; e-mail: info@imli.ru.

Chief Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, The Russian Academy of Sciences (ul. Povarskaya 25a, Moscow, 121069, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9151-4554; e-mail: info@imli.ru.

Поступила в редакцию / Received 23.09.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 23.11.2021

Принята к публикации / Accepted 14.12.2021

Дата публикации / Date of publication 14.02.2022